

АЛЕКСАНДР СИВИНСКИХ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ГОНЧИЙ БЕС

Проходящий сквозь стены

Александр Сивинских

Гончий бес

«Автор»

2009

Сивинских А. В.

Гончий бес / А. В. Сивинских — «Автор», 2009 — (Проходящий сквозь стены)

Недолог был покой детективов – комбинатора Павла и острого на язычок йоркширского терьера Жерара. Едва успели одолеть кракенов, а боевой рог, зовущий спасать мир, трубит снова. На этот раз бедой грозят старинные чертежи, за которыми устроила охоту банда беспринципных ковбоев. Заокеанские гости не гнушаются ничем – то двери выломают, то в волшебное зеркало заглянут, а то и с восставшим из могилы рокером снюхаются. Только Павла пистолетом пятидесятого калибра не напугаешь, да и Жерар изменился. Накачал мускулатуру как у бультерьера и обзавёлся возлюбленной – нежной француженкой. Ради неё Жерар готов на любые подвиги. Хоть литр «пищи богов» выхлебать, хоть зачарованное озеро переплыть. Значит, тайна чертежей будет раскрыта, а злодеи посрамлены. Ведь по следу идёт неутомимый гончий бес!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Сивинских

Гончий бес

(Проходящий сквозь стены-2)

Готово. Началось.
Борис Пастернак

Глава 1

Павел

Стена строения была обширна и глуха, точно бок крепостного бастиона. Лишь на уровне третьего этажа виднелось несколько зарешеченных окошек, узких как бойницы, да прямо над моей головой на хлипком кронштейне нависала коробка кондиционера. Мрачность этого донельзя подозрительного места усиливало нанесённое на стену граффити. Художественные достоинства росписи были сомнительными, но идея ясна как божий день. Внутри контура человеческого тела, раскинувшего руки и ноги, лежала кривоватая надпись:

УБИВАЦО ТУТ

Надпись и рисунок были выполнены зеленовато-желтой люминесцентной краской. В беззвездных сумерках, по соседству с мокрыми тёмными кустами, светящаяся картинка смотрелась жутковато. Наверное, подумал я, так должна выглядеть тень особенно плотного фантома, освещённого болотным огнями или огнями Святого Эльма.

Сразу захотелось поёжиться и обернуться – не подкрадывается ли там какая-нибудь нечисть на самом деле? Я мужественно сдержался.

Из-за спины послышалось:

– Символично, не находишь?

Теперь обернуться можно было без малейшего урона для мужского достоинства. Не разговаривать же через плечо. Что я немедленно и проделал. В смысле, развернулся.

Сцена открылась возмутительная. Йоркширский терьер размером чуть больше кошки вольготно устроился поверх вороха моей одежды и улыбался во всю пасть. Уши у него остро топорщились и слегка заворачивались внутрь, отчего напоминали рожки. Из левого уха сбежал проводок наушника. Оканчивался он в разъёме iPod-a, прикрепленного к бордовой кожаной шлейке, опоясавшей собачонку, как португеза – офицера. Глаза терьера фосфорически мерцали, а левую переднюю лапу украшал крупный перстень с чёрным камнем.

Псина лязгнула зубками и повторила:

– Символичная картинка, правда? Если в стену вмонтирован КД-контур, тут-то ты и убьёшься.

В отличие от обычного гражданина я не стал в изумлении восклицать: «Оно разговаривает!». Не бросился ловить чудесное животное для продажи на телевиденье, в цирк или вивисекторам для опытов. Даже не перекрестился.

Хотя последнее-то проделать как раз стоило бы.

Потому что болтливое животное было вовсе не собакой. Да и не животным, строго говоря. Это был самый настоящий бес, из-за жуткой гримасы судьбы являющийся моим коллегой и напарником. Как и положено врагу рода человеческого, чертёнок этот был нагл, лжив, самовлюблён, мстителен, коварен, язвителен... и далее по списку любого справочника демонологии. А самое главное, он прямо-таки обожал комфорт и искал его повсюду. Если же найти

не мог, создавал сам. Нередко в ущерб окружающим. Чаще всего в ущерб Павлу Дезире – славному парню, любимцу дамочек за сорок и девушек моложе двадцати, надёжному другу, весёлому собеседнику, атлету и симпатяге.

То есть мне.

В этот раз для создания удобств бес решил использовать первое, что подвернулось под лапу. Подвернулась ему моя футболка, а ещё джинсы, носки и, извиняюсь, плавки. Всего минуту назад вещи, аккуратно свёрнутые, лежали в пакете, а лохматый гедонист сидел рядом.

– Жерар... – вкрадчиво сказал я. – Помнится, тебе было приказано стеречь вещи, а не валяться на них...

– Чем я и занят, чувачок. Чем и занят, – развязно твякнул тот. – Согласись, так гораздо надёжнее. Ни одна сволочь из-под меня твои шмотки не выхватит. Во всяком случае, незаметно.

– Пока что я наблюдаю здесь одну-единственную сволочь. И она уже выволокла мою одежду оттуда, где...

– Паша, Паша, брось горячиться, – заюлил Жерар. – Что за приступ немотивированного гнева?

– Он чертовски мотивирован, сукин ты сын. А ну пшёл!

Я придал лицу грозное выражение и шагнул к бесу. Тот не стал ждать, чем это обернётся, и ринулся в кусты – только листва зашуршала.

– У меня, между прочим, была причина! – пискнул он оттуда. – Серьёзная, чувачок.

– Готов выслушать.

– А ты угадай с трёх попыток.

Наглость этого кабыздоха переходила всякие границы. Я осмотрелся в поисках чего-нибудь тяжёлого. Камня, бутылки, а лучше всего – урны. Такой, знаете, пудовой ёмкости, литой из чугуна... Сквер был хоть и диковатым, но подходящие метательные снаряды отсутствовали. Я вздохнул. Продираться сквозь ветки голышом, чтоб взять поганца за шкурку, – радости мало. К тому же не факт, что охота будет успешной. Бесёнок осторожен словно шпион и вертляв как уклейка.

Распроставшись с идеей немедленного отмщения, я начал укладывать одежду обратно в пакет.

– Почему не отгадываешь? – с детской наивностью поинтересовался Жерар через пару секунд.

– Мучительно выбираю ответ, – огрызнулся я. – Слишком много вариантов в голову приходит.

– Ну, Пашенька... Ну назови любой. Мне очень-очень важно узнать твоё мнение!

Что ты с ним поделаешь. Скотина он, конечно. Но до чего ж обаятельная.

– Окорочка озябли, – буркнул я.

– Колоссально! В точку. А как догадался? – Из-под акации выглянула не по-собачьи любопытная морда. Шерсть на ней намокла и свисала сосульками, только ушки по-прежнему лихо топорщились. Я представил, как сейчас выглядит остальная шкура Жерара, и понял, что участь моих джинсов и футболки предрешена. Быть им мокрыми, грязными, мятыми и воняющими псиной. Если, конечно, не принять мер по сохранению.

– Очень просто. Аналогию провёл, – буркнул я и подвесил пакет высоко на сучок. – С собой.

Жерар проследил за моими действиями тоскливым взглядом.

– Ну, ты-то сам виноват, что замёрз, – сказал он, высовываясь уже наполовину.

Посмотрел, как яотреагирую, понял, что экзекуция отменяется, и выбрался целиком. Отряхнулся, разбрасывая брызги и налипший мусор, после чего продолжил:

– Сколько можно гипнотизировать эту стену? Торчим в проклятушем сквере чуть не полчаса. Того и гляди, простудимся оба. Не май месяц, и мокро вдобавок. Гадская гроза!

– Да уж, – согласился я. – Не май. Кстати, коллега, не находишь, что гроза в сентябре – явление редкое, если не сказать исключительное? Сдаётся, неспроста она сегодня разразилась. Вдруг это знак? Предупреждение? Дескать, берегись, ребята, не нужно лезть в этот ГЛОК.

– Глупо было бы считать знаком пятнадцатиминутный дождичек. Пусть даже с громом и молниями. А вот болтливость кое-кого – явный симптом того, что этот кое-кто празднует труса, – заявил Жерар.

Стыдно признать, но маленький негодник был прав. Я и впрямь жутко боялся соваться в офис проектно-конструкторской фирмы ГЛОК. Казалось бы, ничего опасного. Предварительная разведка проведена на совесть. План здания, размещение и количество камер наблюдения и датчиков охранной сигнализации известно. Время выбрано идеально. Субботний вечер, все помещения гарантировано пустуют. Охранник здания намертво нейтрализован отборочным матчем чемпионата Европы по футболу и несколькими литрами пива. За старшими сотрудниками ГЛОКа сегодня весь день следили, следят и сейчас. Ни одного из них ближе пяти километров отсюда нет, а вероятнее всего и не будет. Босс в кругу семьи жарит шашлыки за городом, его зам отправился к любовнице. Главный проектировщик и ведущий конструктор нагружаются водочкой, лицезря всё тот же футбол в ТВ-баре. Остальные два десятка работников – люди починённые. В выходной день без специального указания руководства на службу их палкой не загонишь.

То есть с этой стороны всё чисто.

Далее. Объект штурма. Та самая стена из красного кирпича. Глухая, без окон и дверей. Для человека, у которого под рукой нет полкилограмма взрывчатки или хотя бы отбойного молотка, она могла бы стать непреодолимым препятствием. Для человека, но не для меня. Потому что я, при абсолютной внешней и внутренней человекообразности, сапиенс несколько другого вида. Монстр, мутант, шутка природы – называйте, как нравится. Жерар, когда злится, ругает меня короедом, перфоратором или проходимцем. Ну а мне нравится называть себя комбинатором. Потому что так оно и есть. Я – существо, обладающее способностью диффузной комбинаторики. Или транспозиции. То есть прохождения сквозь преграды.

Например, такие, как эта стена.

Кирпич вообще один из моих любимейших материалов, сразу после дерева. Пробить его будет даже приятно. Опасность напороться на КД-контур ничтожна. К моему счастью, существование людей, способных просачиваться сквозь материальные тела, до сих пор считается фантастикой, притом низкосортной. Поэтому и контрдиффузными контурами (на жаргоне – КДК) оборудованы очень редкие помещения. Но если даже металлическая сетка, сквозь которую время от времени пропускается электроток, всё-таки вмонтирована в стену, я определяю это одним пальцем, не бросаясь на проволоку голой грудью.

В общем, условия были самые подходящие. И всё-таки тревога меня не оставляла.

Размышления об её причинах были прерваны истошным взвизгом Жерара:

– А-а-а-а! Да! Да! Пеналь! Оле, Россия! Сейчас или никогда!

– Ты о чём? – удивленно спросил я.

Бес осёкся и похлопал лапкой по iPod-у:

– По радио только что передали. Пенальти в румынские ворота. Сейчас можно хоть взрывать эту стену, хоть бульдозером ломать. Охранник и ухом не поведёт. Поэтому – вперёд, комбинатор!

Последние слова он пролаял голосом, в котором не осталось ничего человеческого. Собачьего, между прочим, тоже. В утробном рычании смешался вой проглотившего серебряную пилюлю оборотня, хрип загарпуненного кашалота, лязг танковых гусениц и прочее в том же

духе. Это был настоящий адский рык, налитанный инфразвуком. Рёв взбесившегося демона, приказывающего грешнику прыгать в котёл с кипящей смолой.

Он подстегнул меня сильнее плети.

Шагнув к зданию, я возложил ладони на светящуюся картинку. Кирпичи были холодными и шершавыми. Мне потребовалась секунда, чтобы сконцентрироваться.

А потом я напрягся и погрузил руки в стену. По локоть. Неприятное пощипывания в пальцах, которое сигнализирует о работающем КДК, не ощущалось. Я коснулся преграды обнаженной грудью, выдохнул, и наконец нырнул в стену целиком.

* * *

Чувство было примерно такое же, какое наступает, когда из жаркой парилки выскакиваешь на улицу и падаешь ничком в сугроб. Пробиваешь корочку наста, а под ней – глубокий крупитчатый снег. Удар, мгновенный температурный ожог, одновременно болезненный и приятный, а затем уколы тысяч снежных кристалликов и растущее ощущение налитанного силой и здоровьем тела, способного одолеть любое препятствие.

Я продвигался вперед. Обоняние и слух не работали, зрение улавливало лишь иллюзорное скольжение радужных пятен-амёб. Толщина кладки вряд ли составляла более полуметра, но мне казалось, что путь преодолевается приличный. Соппротивление, вначале значительное, постепенно снижалось, и скоро я перестал ощущать его совсем. А через пяток секунд вышагнул внутрь помещения.

Это была обширная Г-образная комната с высокими потолками, не особенно плотно заполненная офисной мебелью. Сквозь жалюзи на окнах-бойницах виднелись грубоватые железные решетки. Вдоль стен стояли книжные шкафы, возле столов – чертёжные доски. В дальней части помещения на небольшом полукруглом возвышении, похожем на эстраду, находился стол со стареньким компьютером и печатно-копировальным комбайном «Хегох».

В первый момент после диффузии организм комбинатора столь податлив, что может принимать практически любую форму. Ограничением является недостаток фантазии да собственный вес, так что стать слоном или мышонком не получится. Если же с воображением порядок, то стоит ясно представить, в кого хочешь превратиться – и пожалуйста! Можно обернуться хоть чудовищем, хоть ангелом, хоть неодушевлённым предметом. Я в порядке эксперимента бывал различными животными, включая вымерших и несуществующих; людьми – включая женщину и сиамских близнецов. А также креслом, ковром, столбом и мопедом.

Дольше всего я эксплуатировал образ вервольфа. Пока не получил в мягкое место заряд дробин-нулёвки. Уж не знаю, серебряной ли она была, однако обожгла – моё почтение!

Чаще всего я принимал образ симпатичного пони в приталенном пальто, с шелковым кашне на шее и в брюках со стрелками. Быть девушкой мне совсем не понравилось. Может быть оттого, что Паулина Дезире раз за разом получалась рыжей, невообразимо веснушчатой толстухой с волосатыми ногами и микроскопической грудью. Нос у неё был картошкой, губы ниточкой, а глаза хоть и красивые – ярко-синие, опущенные шикарными ресницами, но близорукие до последней степени. Самое же ужасное заключалось в том, что мужская часть моего естества не желала мириться с женским обликом и нагло вылезала наружу, стоило расслабиться хотя бы на минуту. Это был настоящий кошмар в женской бане! Кстати, вы когда-нибудь слышали, как гремит жестяная шайка с мыльной водой, обрушенная на голову? А две?

Впрочем, я отвлёкся.

На этот раз у меня не было нужды превращаться в коня, в оборотня, и даже в мотоциклет. Я стал кульманом. Чертёжной доской на подставке, оборудованной линейками и грузом-противовесом. Конечно, оставаться в этом уродском виде надолго я не собирался. Мне нужно было лишь проверить, работает ли сигнализация. Видеокамер в помещении не было, но имелся

объёмно-измерительный датчик. Если с него поступит сигнал охраннику и тот явится с проверкой, то нарушителя не обнаружит. Вряд ли он заподозрит в злом умысле старенький чертёжный станок в углу. Дальше – просто. Сторож уйдёт, я проверну дельце и ретируюсь.

Итак, я стал кульманом. Признаюсь, удовольствия в этом обнаружилось до неприличия мало. Нужно было постоянно держаться настороже, иначе форма терялась, контуры оплывали. Древесина чертёжной доски приобретала оттенок и фактуру здоровой человеческой кожи. На металлической подставке прорисовывались ногти и суставы. О глазах, появляющихся то там, то сям, и говорить нечего. Но я не роптал, а терпел, терпел и терпел. Если хотите знать, долготерпение – самый важный признак профессиональных разведчиков и частных детективов. Таких, как я.

Время шло, охранник не появлялся. Возможно, разгильдяй попросту отключил сигнализацию на время матча. Я на его месте так бы и поступил. Потому что стеречь в этой Главной Лаборатории Опытных Конструкций было решительно нечего. Даже те гипотетические документы, за которыми я сюда вломился, представляли невеликий интерес для всех, кроме моего шефа. Иначе трудно объяснить, почему владельцы хранили их не в надёжном банковском сейфе или у себя под подушкой, а где-то тут. В здании, где помимо ГЛОКа расположено ещё полдюжины различных фирмочек, где охранник хлебает пивко под футболочик вместо того, чтоб без усталости ходить дозором. Где, наконец, помещения имеют фанерные двери, запёртые на замки «мечта домушника».

Прошло пять минут. Ждать дальше смысла не было. Бросив притворяться, я принял свой обычный облик. В комнате не горела ни одна лампочка, зато верхняя часть внутренней стены представляла собой ряд панелей из толстого гофрированного стекла. Сквозь них сочился желтоватый свет из коридора. Конечно, для того чтобы гравировать портрет президента на рисовом зерне, этого света было явно маловато. Но для того, чтобы проводить розыскные мероприятия, не натываясь на столы, вполне хватало.

Я осмотрелся получше. Ничего опасного или любопытного не заметил, зато увидел неподалёку вешалку с синими и серыми халатами. Выбрав один поновее, принарядился в него и двинулся обследовать мебель. Моей задачей было отыскать некую старинную папку из розового картона с коричневым дерматиновым корешком, потрёпанными завязками и трафаретной надписью: «Черт. 1060.1230.01 – 1060.1230.25». Папка должна быть довольно толстой и тяжёлой. Других сведений не имелось.

К счастью, абсолютное большинство столов и тумбочек не имели замков, поэтому с ними я управился за какие-нибудь десять минут. Папки не было. Со шкафами пришлось повозиться дольше. Они были буквально под завязку забиты техническими справочниками, чертёжными атласами, проспектами фирм, производящих механическое оборудование, и прочей документацией. Стоило открыть дверцы, стопки бумаги с победоносным шуршанием устремлялись на волю, грозя погрести меня, как снежная лавина – неосторожного лыжника. Я тихонько рычал, перебирал весь этот печатный хлам, аккуратно запихивал назад и двигался к следующему шкафу.

Потеряв около получаса времени и перепачкавшись в пыли, выяснил, что вожаком папки нет и там.

Для поисков оставалось ещё одно место. Кабинет большого босса. К моей огромной досаде, расположен он был этажом выше. Чтоб попасть туда, предстояло проникнуть в коридор, а самое неприятное – миновать охранника. Конечно, можно воспользоваться радикальным способом и сигануть напрямую через потолок. Но здешнее помещение было высотой метра четыре, и даже со шкафа допрыгнуть до потолка представлялось задачей сложнейшей. Я решил оставить попытку на крайний случай.

Но в любом случае, сперва надлежало предупредить коллег, чтоб были готовы вызволять меня, если дело пойдёт наперекосяк. О том, что план отвлечения охраны и экстренной эвакуа-

ции существует, я знал точно. Но мне очень не хотелось, чтоб он был пущен в ход. Потому что шеф мой, Сулейман Маймунович, – личность склонная к жёстким, а подчас жестоким методам решения проблем. С охранником могут поступить очень неласково.

Телефон здесь, слава богу, имелся. Я позвонил сидящей на связи девочке Зарине и сказал:

– В проектном пусто. Иду наверх.

– О'кей. Чмоки, Пашенька, – промурлыкала она.

– Чмоки, киса, – бесстрастно отвечивал я.

Халат пришлось сбросить. Одежду не протасишь сквозь преграду, как вообще любые чужеродные объекты, находящиеся на теле комбинатора или внутри него. Обычно это доставляет массу неудобств, но иногда очень и очень полезно. Болезнетворные микробы во время транспозиции дохнут, паразиты выводятся, а однажды мне даже удалось избавиться от имплантата, вживлённого в черепушку нехорошими людьми.

Но чудо-медаль имеет и обратную сторону. Когда у меня от старости или неправильного питания испортятся зубы, придётся обходиться без протезов.

Или без транспозиций.

* * *

В коридоре было пусто и прохладно, по ногам тянуло сквозняком. Со стороны фойе доносились приглушенная скороговорка футбольного комментатора. Я прокрался вдоль стенки до поворота и осторожно выглянул из-за угла. Пост охраны находился поблизости от входа. От моего наблюдательного пункта до него было метров десять. Дверца стеклянной будки была открыта нараспашку, сам вахтёр – грузный мужик в камуфляже – сидел ко мне спиной. Повыше его лысины виднелись отключенные мониторы наблюдения. Панель сигнализации на левой стенке была так же обесточена, там не светился ни один огонёк. Зато переносной телевизор полыхал жирным глянцем и неестественными красками. В матче наступил перерыв, и власть над телевизионным эфиром захватила реклама.

Возле ног безответственного сторожа-болельщика валялась пустая полуторалитровая бутылка из-под пива. Вторая, ополовиненная, возвышалась на столике рядом с телевизором. Подножие этого современного мини-храма, посвящённого старине Бахусу, было засыпано подношениями в виде сухариков и обёрток от вяленых морепродуктов. На боку бутылки имелось изображение самого божества пьяниц: бородатый мужик цыганистого вида вздымал огромную кружку и хитро шурился. Видимо, прикидывал в уме, сколько человечков за сегодняшний вечер нырнёт в эту ёмкость с головой.

Судя по расслабленной позе, охранник уже вдоволь наплавался среди янтарно-пенных волн и теперь дремал. Тревожить его покой было безнравственно, поэтому я прошмыгнул к лестничной площадке тихо как мышь. Конечно, для полного соответствия метафоры с жизнью, мне следовало превратиться в пасюка соответствующих размеров (тем более что возможности для трансформации ещё оставались), но я решил не испытывать судьбу. Если охранник случайно оглянется и приметит гигантского грызуна, то без промедления начнёт палить из табельного оружия. Даже спросонок.

А голого мальчонку, небось, пожалеет.

На счастье обеих сторон, появление в фойе восьмизарядного изобретения товарища Макарова так и осталось в области вероятных событий. Охранник продолжил клевать носом, а я уже через пару секунд скрылся из зоны его видимости и, что было духу, помчался по вытертой ковровой дорожке на второй этаж.

Приёмная директора ГЛЮКа нашлась быстро. Дверь здесь стояла попрочнее, чем в проектном отделе. Стальная, с модным напылением под гранит и двумя замками – кодовым элек-

тронным и «позолоченным» английским. Ломиться сквозь металл наш брат комбинатор может только по двум причинам. От непомерного избытка здоровья или от катастрофического недостатка ума. На здоровье не жалею, но и с головой стараюсь водить крепкую дружбу. Поэтому я сделал шаг в сторону от двери, а уж только потом – вперёд.

Стена оказалась дерьмовенькой. Не в том смысле, что из сушёного навоза, но вроде того. Гипсокартон. При достаточной решимости и хорошем разбеге сквозь неё запросто прошёл бы кто угодно. Разве что пылью припорошился бы.

Кабинет глоковского босса мог служить эталонной иллюстрацией для журнала «Таджикский евродизайн». Если, конечно, такой журнал существует. Подпись гласила бы: «Офис не крупного, но солидного и знающего себе цену руководителя». Меня, впрочем, мало беспокоили проблемы со вкусом и финансами у человека, которого я в жизни не встречал. И даст бог, никогда не встречу. Мне была нужна только папка, которой владел этот дядя.

Шарить по ящикам не пришлось. Папка лежала прямо на директорском столе. Именно такая, как описывал шеф. Объёмистая, из розоватого картона с коричневым дерматиновым корешком, протёршимся на сгибах до нитяной основы. И завязки были потрёпаны, и трафаретная надпись присутствовала. «Черт. 1060.1230.01 – 1060.1230.25». Когда я открыл папку, то понял, что «черт.» в данном случае – это не пособник Люцифера, а сокращение от «чертежи».

Чертежи, двадцать четыре выполненных тушью листа (каждый аккуратно сложен гармошкой вчетверо, после чего ещё пополам), были такие же старые, как их картонное вместилище. Основой для рисунка служила прочная голубоватая калька. Структура кальки, как на ощупь, так и на просвет напоминала вощёный шёлк. Или это и был вощёный шёлк? Чертежи можно было заключать в рамки под стекло, и любоваться ими как произведениями искусства. Рисовал их человек, определённо не лишённый чувства прекрасного, – и, кроме того, обладающий идеально твёрдой рукой. Сейчас так не умеют, но когда-то по-другому просто не делали. Если вы видели чертежи кораблей и самолётов, созданные в глухую докомпьютерную эпоху, где-нибудь в начале XX века, то поймёте меня без труда.

Тут был не корабль и не самолёт. Я худо разбираюсь в технике, особенно когда она всего лишь набор линий, размеров и непонятных надписей, но мне показалось, что это были части механического насекомого.

«Бедная моя голова!» – подумал я, раскладывая первый лист на полу.

Для жалости к себе имелись серьёзные основания. Мне предстояло ни много, ни мало, запомнить все изображения. До последней чёрточки, до последнего штришка и буквы. Невозможно? Бросьте, возможно и не такое. Для выведения памяти на уровень биологического фотоаппарата существует старинная и надёжная методика «мемориального транса». Я ею владею в совершенстве, но милый боженька! – какие жуткие мигрени терзают меня после подобных фокусов...

Я ещё раз с тоской взглянул на стол босса проектно-конструкторской фирмы ГЛЮК. Там, будто дразня меня изображением надкушенного яблока на серебристой крышке (надкусил, да не ты!), лежал ноутбук. С подключенным сетевым кабелем. Рядом – цифровая фотокамера. Хорошая, между прочим, камера. С большим объективом и уймой мегапикселей «на борту». Снимай себе секретные документы, переправляй снимки на компьютер и рассылай электронной почтой куда требуется.

Только вот беда, ноутбук имел сканер отпечатка пальца. Поэтому, если ты не хозяин, роняй на него слюну зависти, а пальчик с неправильным папиллярным узором куда-нибудь засунь.

Например, в нос.

Что я и проделал. Но не для того, чтобы наковырять козявок. Глубоко погруженный в ноздрю палец – обязательный элемент подготовки к «мемориальному трансу».

Полчаса после этого я пялился на чертежи как солдат на вошь и читал в уме рифмованные строчки великого узбекского поэта Алишера Навои, неизвестные даже его исследователям. И которые вряд ли когда-нибудь станут известны. Да это, по сути, и не стихи вовсе. Это ритмическая основа, в которую единственно возможным образом вплетаются нити запоминаемой информации. Читал я их на языке оригинала. Честно признаться, фарси мне известен не более чем язык птиц и зверей, но в том и заключается секрет. Знание языка только вредит запоминанию. Отвлекает, заставляет задумываться. Хуже того – подключает воображение. Именно по этой причине я не использую ритмическую основу, написанную Барковым или Сологубом, которую весьма любят комбинаторы, не знающие русского.

Интересно, стихи Навои такие же флировольные, как барковские?

* * *

Когда адский труд был закончен, самочувствие моё колебалось между «отвратительно» и «кошмарно». Голова налилась свинцом, перед глазами плыли тёмные круги, в висках тикало, затылок ломило. Лобную и теменную кости распирало внутренним давлением, будто кто-то сильный и бесцеремонный скомкал все до единого чертежи из розовой папки, полил для лучшего скольжения машинным маслом и запихал мне в череп. Через ноздри. Помогая себе каминной кочергой.

Постанывая, я уложил документы обратно в папку, погасил свет и проковылял к окну. Отодвинул подрагивающими пальцами жалюзи, прислонился лбом к прохладному стеклу. Снаружи к этому часу сделалось совсем темно. Я попытался разглядеть на земле фигурку маленькой собачонки, но безрезультатно. Виднелись лишь движущиеся ветви деревьев. Сквозь листву изредка просачивались бегучие вспышки света фар: вдоль сквера пролегла окраинная улочка. Фонарей, а уж тем более, светящихся вывесок там и подавно не было. Тем и хорош район для нашей работёнки.

Я закрыл глаза и отрёшился от всего земного...

Мало-помалу напряжение спадало. Вскоре я мог не только соображать, но даже почувствовал в себе достаточно сил, чтоб пройти через какую-нибудь немудрящую преграду. Лучше бы из дерева. В случае крайней надобности – из кирпича или гипсокартона.

...Стоило мне появиться в коридоре, как из покинутого кабинета донеслась телефонная трель. Я с беспокойством прислушался. Мелодия повторилась. Номером ошиблись? Или звонок адресован мне? Если так, то означает он одно: ситуация переменялась в неожиданную сторону. Пора рвать когти.

Подтверждая последнюю догадку, на первом этаже послышались ритмичные гулкие удары. Бумм! Бумм! Пауза – и вновь: бумм! Бумм!

Экзотические предположения о плясках мастодонтов или строевых смотрах гигантских роботов следовало отвергнуть сразу. Ни тех, ни других я внизу не приметил. Возможно, конечно, что наши футболисты совершили-таки маленькое чудо и прогадили наилегчайший отборочный матч, из-за чего расстроенный охранник бился головой о свою будку.

Но верней всего, кто-то без затей ломал дверь.

В такой ситуации самым простым решением казалось возвращение в кабинет глоковского босса и дальнейший драп через окно. Простым, но мало подходящим. Во-первых, здесь не должно остаться никаких следов, способных навести на мысль о моём визите. Поэтому открытое окно в этом или соседних кабинетах отмечаем сразу. Также сходу исключаем идею изобразить из себя каскадёра и выскочить наружу прямо сквозь стену. Переломанные конечности или вспоротый ветками живот – не та перспектива, которая мне близка и приятна. Ну и последнее. Сколь глупо это ни звучит из уст работающего за гонорар детектива, я дьявольски любопытен.

Даже тогда, когда предмет моего любопытства не имеет прямого касательства к предмету... э-э-э... разведки.

Здесь же, я это чувствовал почти физически, дело касается именно нашей операции. А вот каким макаром, мне и предстояло выяснить.

* * *

Первым, что я разглядел, было тело охранника. Он лежал ничком возле своей будки, неудобно подвернув руку под живот. Другая рука была отведена в сторону, словно для широкого замаха. В полуметре валялся пистолет. Из-под нижней части туловища расплывалось тёмное пятно. «Вертушка» толстого стекла между будкой и длинной высокой тумбой, отделяющей фойе от входной двери, медленно вращалась. Три четверти оборота в одну сторону, затем столько же в другую. Приводной моторчик тихо гудел и пощёлкивал; пахло горелой изоляцией. Телевизор шипел и демонстрировал... да ни хрена он не демонстрировал, по экрану бежали помехи. Лопасти «вертушки», проезжая мимо охранника, скребли подошву его ботинка, отчего казалось, что человек подёргивает ногой. Тошнотворное зрелище. Слава богу, желудок мой со вчерашнего вечера оставался девственно пустым.

Входная дверь была прикрыта, но не полностью – оставалась щель шириной с ладонь. Получается, бедолага сам впустил убийц. Мало того, что пьяница, так ещё и идиот.

Помимо безжизненного тела в фойе никого не было. Подозрительные удары доносились со стороны офиса, который я обыскал в первую очередь. Не успел я подивиться тому, что взломщики так долго возятся с дверью, выбить которую можно одним щелчком, как раздался грохот. Створка слетела с петель. Судя по звуку падения, внутри неё, между фанерных листов заключалась толстая железная пластина. Хорошо, что я полчаса назад не полез сквозь неё, а диффундировал поодаль!

Когда затих гул, вызванный падением двери, послышались возбуждённые возгласы – по меньшей мере, трёх человек. Затем голоса отдалились. Взломщики вошли в помещение.

Собравшись с духом, я устремился к выходу. Можно было попытаться с разбегу перемахнуть перегородку, однако мне вздумалось проверить, жив ли охранник. А заодно – и это главное – прихватить его пистолет. Не то, чтобы я собирался затеять перестрелку с взломщиками. Просто вид бесхозного оружия пробудил во мне какие-то древние инстинкты. В равной мере воровские и воинственные.

Подхватив «Макарова», я сразу почувствовал себя выше ростом, шире в плечах и как будто даже одетым. Пистолет был взведён, но стоял на предохранителе. Опустив большим пальцем собачку, я повёл стволом в сторону коридорчика. Покажись этот момент оттуда кто угодно, влепил бы ему пулю без раздумий, поскольку тоже был изрядно на взводе. А предохранитель у меня, выражаясь метафорически, выключился давненько. Ещё тогда, когда обнаружилось истекающее кровью тело охранника.

Однако из-за угла выплыло лишь облачко известковой пыли.

Выждав секунду-другую, я присел над человеком в камуфляже, протянул пальцы к шее, чтоб нащупать пульс... и тут меня обуял нервный смех. Лужа, которая расплывалась из-под павшего привратника, оказалась не кровавой, а пивной. Сплюснутая бутылка была зажата в подвёрнутой руке. Сам он тоже благоухал солодом, а вдобавок какой-то мерзкой больничной химией.

«Эфир», – решил я. Может быть, ошибочно, однако о других усыпляющих веществах у меня не имелось ни малейшего представления.

И тут охранник издал непристойный звук. Теми ли устами, которыми по выражению Тиля Уленшпигеля не говорят по-фламандски, или теми, в которые было влито столько пива, я не разобрал. Потому что в этот момент из коридорчика, где ломали дверь, показался человек. Он

не слишком походил на громилу и убийцу, скорей на какого-нибудь преподавателя заштатного вуза. Невысокий, полноватый, с залысинами. Без головного убора, в очках. На груди болталась снятая респираторная маска. Вместо подходящего такому субъекту кургузого костюмчика и стоптанных башмаков на нём был камуфляжный комбинезон и высокие солдатские ботинки. А в руке – не кусок мела или указка. Пистолет! Огромная никелированная пушка один Кольт знает, какого калибра. Пожалуй, пятидесятого.

Увидев меня, субъект на мгновение замешкался. Для профессионала подобная потеря темпа непозволительна, да и попросту невозможна. Выходит, мужчина не только казался, но и являлся полнейшим дилетантом. Впрочем, в тот момент я полностью утратил способность к логическим умозаключениям. Передо мной был человек с оружием, одна пуля которого способна завалить мастодонта. И даже, пожалуй, гигантского боевого робота. Что она способна сотворить с диффузным комбинатором каких-то семидесяти пяти килограммов весом, жутко представить.

Да и не до того мне было.

Я вскинул «Макаров», прицелился в корпус толстячка – чтобы уж наверняка не промазать – и нажал на спусковой крючок. Выстрел в замкнутом пространстве прозвучал оглушительно. Противник резко присел на корточки, но не упал. Вытянул в мою сторону пистолет и срывающимся голосом крикнул:

– Стоп!

– Ага, щас, – буркнул я и выстрелил снова.

Невероятно, однако толстяк снова уцелел. На расстоянии в десять шагов я умудрился промахнуться дважды! Или этот тип был попросту заговорён от пули.

Третьего шанса он мне не дал. Его страховидная пушка рывкнула так, что от одного только звука у меня сплелись в морской узел все кишки, а волосы встали дыбом. Сидящего на корточках толстяка чудовищная отдача попросту опрокинула на пол. Он был к этому явно не готов и засучил конечностями, как перевёрнутый кверху лапами жук.

К счастью, стрелком он оказался ещё худшим, чем я. Пуля угодила в будку охранника. Стёкла обрушились на пол блистающим водопадом. Телевизор лопнул и разлетелся на десятки кусков. И всё-таки выстрел получился удачным для проклятого очкарика. Один из крупных осколков скользнул по моей голени, глубоко распорол кожу и едва не пробил ступню. Я взвыл и пальнул снова, теперь уже откровенно «в молоко». После чего, не теряя времени на дурацкую дуэль (тем более, к сопернику того и гляди, придёт подмога), отшвырнул пистолет и очертя голову бросился наутёк. Покидать поле битвы через дверь было неразумно. У налётчиков наверняка остались снаружи сообщники. Поэтому я метнулся вправо, максимально ускорился – и рыбкой нырнул в стену.

Это был крайне, крайне опасный трюк. Может быть, смертельно опасный. Умоляю, не повторяйте его в домашних условиях! Ни о какой сосредоточенности, необходимой для успешной транспозиции, и речи не шло. Тем более не шло речи о медленном вдумчивом «растворении» в стене. Я просто понадеялся на авось. Или рассажу башку в кисель, или спасу шкуру.

Первыми в кирпич вошли пальцы рук. Ощущение было такое, словно по ногтям одновременно врезали десятью молотками. Помянуть в краткой форме распутных женщин, как это принято у нас в России, я не успел. Дело дошло до локтей – и боль от соприкосновения суставов со стеной заставила меня пожалеть о собственном появлении на свет. Вернее, начать жалеть – потому что как раз наступила очередь головы. Помнится, я сравнивал диффузию с купанием в снегу после парилки. Сейчас было то же самое, но с маленькой поправкой. В «сугроб» я на этот раз нырял как будто с самого конька крыши. Да не с какой-то там приземистой баньки, а с хорошего такого двухэтажного терема. И «сугроб» оказался чертовски мелким. После того, как макушка, пробив тонкий слой «снега», врезалась в «мёрзлую землю», сознание у меня выхлестнуло напрочь.

* * *

Всего лишь на мгновение.

Я выпал из стены, кубарем прокатился по мокрой траве, налетел боком на какой-то сучок – и без промедлений встал на ноги.

На четыре крепенькие волосатые подкованные ноги. После чего встряхнул гривой, пома- хал хвостом и медлительно, как полагается уставшему за день пони, побрёл прочь.

Разумеется, пальто и брюк в этот раз на мне не было. Всё-таки я собирался не удивлять народ, а всего лишь аккуратненько смыться. Желательно незаметно. Я сильно надеялся, что детишек, способных криками «мама, смотри какая хорошенькая лошадка!» довести до белого каления самого флегматичного мерина, поблизости не было.

Возле входа в здание стояли два автомобиля. Чёрный «Додж», брутальный как племен- ной буйвол, и «Тойота-Камри», тоже чёрная. Рядом с машинами суеилось трое. Долговязый мужик в распахнутом плаще и шляпе, отдалённо смахивающий на пережившего концлагерь Элвиса Пресли, мой пузатенький знакомец с никелированным пистолетом и какая-то жен- щина. Средних лет, смазливая – и даже, пожалуй, красивая. Но красота её почему-то казалась неживой, искусственной. Скорей, правильность черт лица, помноженная на тщательный уход и работу дорогих стилистов и пластических хирургов, чем природное обаяние. Такой красо- той щеголяют жёны очень богатых людей, дамы-политики и дамы-телеведущие, оперные дивы и популярные актрисы возрастом за сорок. Волосы у дамы отливали платиной, но назвать её глупенькой блондинкой я бы нипочём не решился. Похоже, именно она была главной в этой троице. Генерал в юбке.

Хорошенько запомнив номера машин и внешность людей, я попятился, но толстячок, сволочь такая, успел заметить движение за кустами. Он нечленораздельно пискнул и ткнул в сторону бродячего пони пистолетом. Более того! – начал целиться.

Тощий в шляпе тут же рывкнул на него и заставил спрятать оружие. По-моему, сделать это следовало давным-давно. А лучше вообще не давать этому дебилу в руки ничего опаснее кофейной ложечки.

Все трое уставились на меня, как на какую-то диковинку. Я мотнул башкой, фыркнул... а потом слегка приподнял хвост и пустил под ноги могучую шумную струю.

Троица переглянулась. Высокий захохотал, толстячок подхватил, а дама издала возму- щенный возглас и полезла в «Тойоту». Вскоре она вынырнула обратно, неся в руке радиоте- лефон. Приблизила трубку ко рту, раздалась резкие команды. От неожиданности я чуть не сделал лужицу вторично. Платиновая генеральша говорила по-английски.

Вскоре из здания выбежали ещё двое мужчин. Камуфляж, респираторы, – всё как у тол- стячка. Только вместо пистолетов они несли толстую заваренную с торцов трубу с двумя руко- ятками. Такими таранами вышибают дверные замки и пробивают нетолстые стены. Стенобит- ное орудие торопливо уложили в багажник, после чего пятёрка странных людей заняла места в машинах. Один из взломщиков занял место за рулём «Тойоты», в которую уселись долговя- зый и женщина. Толстячок и второй взломщик запрыгнули в додж. Через минуту автомобили тронулись с места.

Я поднял голову и пронзительно заржал. Из сквера, вторя мне, раздался тонкий, но от этого не менее пугающий вой. Казалось, это рыдает стая из десятка голодных койотов, опла- кивающих ускользнувшую добычу. Никогда мне не понять, как замухрышка Жерар с объёмом лёгких не более стакана может издавать такие жутенькие рулады. А впрочем, что там понимать – бесовский промысел!

Поднявшись на задние ноги, и понемногу возвращая себе человеческий облик, я дви- нулся на звук.

Глава 2

Марк

Идея налёта на конструкторское бюро казалась Марку ущербной с самого начала. Ну почему, почему нельзя культурно предложить немножко денег кому-нибудь из сотрудников? Скопируют всё, что нужно. В лучшем виде. А если заплатить чуточку побольше, то и выкрадут. Это же Раша! Марк Фишер, проживший здесь семнадцать лет, считал, что знает привычки туземцев досконально. Однако мисс Голдэнтач упёрлась: взламываем и изымаем, невзирая на потери. «С какой стороны?» – как бы между прочим поинтересовался Марк. «С обеих, чёрт побери!» – взорвалась сумасшедшая баба. А если мистер Фишер считает, что его тёплые отношения с племянницей мистера Джи позволяют мистеру Фишеру трепать языком, когда не спрашивают, то мистер Фишер очень глубоко заблуждается. Здесь решения принимает она, Сильвия Голдэнтач. Исключительно она. Всё ясно?

– Да, мэм, – пробормотал ошеломлённый ворохом «мистеров» Марк, и попытался пристукнуть каблуками. Выправка у него всегда соперничала с грацией, которая, говоря начистоту, отсутствовала совершенно. Поэтому движение получилось абсолютно клоунское.

Этого он и добивался.

Декстер ухмыльнулся. Тим и Кир заржали в голос. По-английски эти два румяных бычка понимали только простейшие ругательства, глубоким умом похвастаться тоже не могли. Однако то, что грозная мисс опять оттрепала Марка, словно мопс поролонового мышонка, сообразили. Это были простые ребята, настоящие «наши надёжные парни из провинции». В Штатах такие увальни всю жизнь перекидывают соломой на ферме. Или записываются в армию, чтобы после увольнения вернуться в свою дыру, устроиться помощником шерифа и пренебрежительно смотреть из седла патрульного мотоцикла на воняющих навозом земляков.

Впрочем, и в Раше то же самое. Тимофей и Кирилл в команде Сильвии Голдэнтач подрабатывали лишь временно. В остальное время они являлись курсантами какой-то милицейской школы. Их порекомендовал Марку старый приятель Дядюшки Джи. «Туповатые, но исполнительные, – сказал мистер Коэн, ещё с прошлого века ведущий адвокатский бизнес в Императрицыне. – А главное, не болтливые. Кое-что делали для меня, проявили себя с лучшей стороны...»

И всё-таки связь Тима и Кира (Тимофея и Кирилла, если полностью) с органами оставалась для осторожного Фишера предметом беспокойства. Не продадут ли будущие офицеры милиции? Но Сильвия была уверена, что операция продлится не дольше недели. После чего фьюить! – прощай, холодная держава вместе с копами-недоучками и их начальством. Долговязый лопух Декстер поддерживал обожаемую командиршу целиком и полностью. Мнение Марка как всегда никого не интересовало.

– От вас требуется не так много. Перевод с русского – там, где я сама не справлюсь, связь с нужными людьми да умение ориентироваться в городе. Вы же в нём родились и выросли, верно? Прочее оставьте мне. Точка.

Последнюю попытку удержать мисс Голдэнтач от боевого штурма ГЛОКа Марк предпринял буквально на пороге офисного здания. «Бычки» уже стояли с тараном в руках и рыли землю, предвкушая грядущие «безобразия и бесчинства». (Эти два слова почему-то имели для парней положительный смысл.) Декс по-отечески поправлял им противопозные маски, Сильвия возилась с флаконом, содержащим какую-то химическую гадость.

– Мэм, может, всё-таки обойдёмся без крайних мер? Предлагаю пустить вперёд Тима и Кира. Их удостоверения...

– В удостоверениях написаны фамилии, Фишер. Охранник их запомнит.

– Тогда давайте просто сунем ему сотню-другую евро. Он нас не только в помещение пустит, но сигнализацию отключит, и ключи от любых офисов предложит. И фонарик подержит, если понадобится.

Мисс Голдэнтач смерила Марка строгим взглядом и отчеканила:

– Вы исходите из предположения, что охранник – продажная сволочь. Я этого тоже не исключаю. Но вдруг он окажется честным служакой? Пока мы будем трясти бумажником, ему как раз хватит времени нажать на тревожную кнопку. А возможно, и применить оружие. Кстати, где ваш пистолет?

Марк вздохнул и вытащил засунутый под ремень за спиной «Пустынный Орёл». Губы тронула улыбка. Фишер ничего не мог с собой поделаться, оружие его по-настоящему заворазживало. Особенно пистолеты крупного калибра.

«Интеллигентский пунктик, – язвительно усмехался по этому поводу Дядюшка Джи. – Правы мозговеды, хлюпикам вечно хочется выглядеть значительно. И пистолет – лучшая в этом подмога».

Сам Дядюшка Джи выглядел настолько внушительно, насколько это вообще возможно. Рост шесть футов три дюйма. Плечи, которые не в каждую автомобильную дверцу пролезут. Лохматая седая грива и лицо римского легионера-ветерана. Его взгляд и рык наводили на окружающих трепет без всякого оружия. Жаль, что его здесь не было. Рядом с ним мисс Голдэнтач вела себя скромненько, будто приходящая прислуга.

– О'кей, – Сильвия кивнула Марку. – Будьте готовы применить. И никаких колебаний, Фишер! Если поймёте, что необходимо стрелять – стреляйте без промедления. Все по местам!

После чего встрепала причёску и решительно прошагала к входу в ГЛОК. Нажала на кнопку звонка, приблизила лицо к смотровому окошечку в двери и скорчила встревоженную гримаску. Выглядело это чертовски соблазнительно. Несмотря на законченную стервозность (а скорее, как раз благодаря стервозности), эта женщина как никто другой умела принять вид сексапильной и чуточку наивной душки-блондиночки. В такие моменты Сильвия начинала даже немного нравиться Марку. А уж влюблённый дурачок Декс окончательно терял разум и заливал подбородок слюной вождения.

«Надеюсь, охранника проймёт, – подумал Фишер. – Меня бы точно проняло».

Прежде чем охранник соизволил оторвать задницу, приоткрыть дверь и высунуть в окошечко нос, прошло не менее трёх минут.

– Ну, чего тебе, милая? – поинтересовался он с грубоватым участием.

– Ах, пан офицер! Я польская туристка, – залопотала Сильвия. – Мне нужно сильно позвонить. Быстро-быстро.

Акцент у неё был никакой не польский, а самый что ни есть техасский. Но охраннику такие тонкости были, ясное дело, до лампочки.

– А чего случилось-то?

– О, ужасное происшествие! Меня грабиль водитель такси! Деньги, телефон, шубка – всё забираль. Хотель... ну, вы понимаете... Но я вырвалась, убежала. Впустите, добрый пан! Я буду платить за звонок.

– Чем, если денег-то нету? – резонно заинтересовался «добрый пан».

– Договоримся.

Видимо, охранник почуял в этом «договоримся» сладостный подтекст. Через секунду дверь приотворилась, и Сильвия скользнула в помещение.

Некоторое время изнутри не доносилось ни звука, потом что-то брякнуло, раздался сдавленный, быстро оборвавшийся крик. Вскоре дверь опять открылась, выпустив наружу мисс Голдэнтач. Жакет на ней был распахнут, лицо залито слезами. Она кашляла и, казалось, была готова стравить недавний ужин прямо под ноги.

– Что с тобой? – метнулся к ней Декс, но Сильвия отмахнулась:

- Пустяки. Слегка хватанула газа. Фишер, забирайте бойцов и живо внутрь.
- Ключи добыть, конечно, не удалось, – скорее констатировал, чем спросил Марк. Окантованные потёкшие тушью глаза Сильвии бешено сверкнули.
- Я сказала, немедленно внутрь, чёрт вас подери! Да не забудьте надеть противогазы.
- За мной, парни, – сказал Марк, натянул маску и первым переступил порог.

* * *

Неизвестно, что произошло между охранником и Сильвией, однако следов беспощадной атаки на «укрепрайон ГЛОК» имелось предостаточно. Защитник покоился неподалеку от своей будки, животом в какой-то подозрительной луже. Высокий, под потолок, роторный турникет из прозрачного пластика пытался провернуться, но всякий раз не успевал сделать полный оборот. Раздавался тихий щелчок, механизм сбивался и начинал движение в обратную сторону.

Обойти турникет стороной было затруднительно. Мешало ограждение – почти по плечо невысокому Фишеру. Тим и Кир без натуги перебросили через преграду таран, затем ловко перемахнули сами и стали ждать Марка. Ему такой подвиг был откровенно не по силам. Подгадав момент, когда прозрачная плоскость «вертушки» двинулась в нужном направлении, Фишер нырнул в образовавшуюся щель.

– Чего с этим делать будем? – Кир мотнул головой в сторону охранника. – Может, ткнуть по лысине? На всякий случай. Типа контролька. Как считаешь, Тимоха?

Тим был полностью согласен с напарником. Что и выразил – молча, но крайне убедительно. Приподнял таран двумя руками над затылком бедолаги и качнул, словно примериваясь ударить.

– Вы что, с ума сошли? – взвизгнул Марк.

– Да нет, наоборот. Он же Сильвию до последней морщинки срисовал. Теперь хрен забудет.

– А если башню сплющим, тогда, соответственно, хрен вспомнит, – со смешком поддержал приятеля Тим.

– Точно!

– Не смей! Оставьте этого человека в покое. Я... я приказываю!

– Ну, дело хозяйское. – Кир пожал плечами. – Куда теперь?

Марк, который худо-бедно представлял расположение нужного офиса, махнул рукой:

– В тот коридор. Дверь одна, не ошибётесь. Идите без меня, но ломать пока повремените. Я попробую найти ключи.

Перешагнув через тело охранника, он сунулся в будку.

– Ты хоть пистолет у него заberi, гуманист хренов, – посоветовал кто-то из «бычков».

– Обязательно, – пробормотал Фишер.

Он обшарил все ящики стола, но не нашёл ничего. Недоумение развеялось, стоило Марку приподнять голову. Ключи висели на самом виду, на дощечке с крючками и аккуратными жестяными бирками. В тот момент, когда он прикоснулся к жетону, подписанному «Лаб. ГЛОК», где-то на втором этаже едва слышно зазвонил телефон. А из коридора, в который двинулись Тим и Кир, донёсся первый удар тараном по двери.

Чертыхнувшись, Фишер выскочил из будки. Затем вспомнил о пистолете охранника, вернулся, срывающимися пальцами вытащил «ПМ» из кобуры. Воображение тут же угодливо нарисовало картину, где фигурировал милицейский патруль, задержание Марка «на месте преступления» и возглас одного из патрульных: «А вот и отпечатки пальцев!» Напуганный Марк брезгливо, словно дохлого зверька отбросил пистолет и помчался к проклятым торопыгам.

Тим и Кир, громко ухая, лупили тараном в хлипкую с виду дверь. Стена сотрясалась, дребезжали стёкла в расположенных под потолком окнах. Из-под косяков сыпалась штукатурка, повсюду клубилась известковая пыль. Но полотно двери будто срослось с коробкой.

– По ходу, там внутри стальной лист! – проорал Кир. – И замок путёвый. Но это фигня. Ещё напор, и враг убит!

Не успел Марк сообщить, что отыскал ключ, как громилы добились своего. Дверь рухнула внутрь помещения. Вместе с косяками, окантованными «воротником» из строительной пены и штукатурки. Грохот раздался просто пушечный, Марк даже оглох на секунду. Густое облако пыли заволокло коридор. Кир и Тим бросили колотушку под ноги и, не теряя времени, зажгли фонари.

– Ну, теперь твоя очередь, мистер Фишер. Ищи, чего надо.

– Ищите и вы, – сказал Марк, устремляясь внутрь. Страх попасть в лапы русской милиции подстёгивал его сильнее, чем техасских коров подстёгивает разряд фермерского электрокнута. – Толстая папка с документами. Розовая или лиловая. Выглядит очень старой. На обложке цифры. Всё похожее показывайте мне.

С тем же азартом, с каким только что ломали дверь, «бычки» ринулись на поиски. Ящики столов выдирались и переворачивались, шкафы жалобно хлопали дверцами и исторгали на пол груды литературы. При взгляде на это безумие Марку подумалось, что точно так же обыскивали квартиры «врагов народа» и диссидентов сталинские чекисты и андроповские кагэбэшники. Он решил, что будет разумней держаться в сторонке, чтоб не попасть под отброшенный стул или оторванную столешницу. Ограничивать изыскательский порыв Тима и Кира Фишер уже не пытался. Какой смысл, когда повсюду красноречивые следы налёта: дверь выломана, охранник отравлен газом... Кстати, как он там? Вдруг очнулся и всю звонит в «ОМОН»?

Паника чем-то сродни пожару в ветреную погоду – разрастается и усиливается с каждым мгновением. Через полминуты у Марка не осталось других мыслей кроме одной: пока мы здесь роемся, охранник очухался и вызывает подмогу. С автоматами и собаками.

Больше чем собак Фишер боялся лишь гнева мистера Джи. Но тот далеко, а милицейские овчарки рядышком. Не выдержав пытки неизвестностью, Марк крикнул подчинённым «я скоро!» – и метнулся в фойе.

Когда добежал, в руке его непостижимым образом появился «Пустынный Орёл», а противогазная маска с лица наоборот исчезла. И то и другое было полнейшей глупостью, но размышлять над этим времени не оказалось. Рядом с лежащим охранником примостился на корточках голый человек. Ну то есть абсолютно нагой, будто в душ собрался. Худощавый парень с рельефной мускулатурой легкоатлета или пловца. Грузноватый Марк, прямо-таки бредивший мечтами о стройной фигуре, такие вещи отмечал машинально. А вот лицо парня Марк не разглядел. Его вниманием всецело завладело другое. Пистолет охранника. Дьявольщина, «ПМ» был у голого незнакомца!

Тот вскинул оружие с молниеносной быстротой и направил дуло прямиком Фишеру в сердце. И тут же выстрелил.

Удара пули не было.

– Stop! – с перепуга по-английски взвыл Марк и сел на корточки. Хотя следовало, конечно, броситься ничком на пол.

Парень пробормотал что-то неразборчивое и пальнул ещё раз.

Тут уж у Фишера нервы не выдержали. Схватившись второй рукой за рукоятку своего пистолета, как полисмен в боевике, он потянул спусковой крючок. Тот шёл дьявольски туго, Марку уже начало казаться, что «Пустынный Орёл» вообще никогда не выстрелит – и тут бабахнуло. Мир крутанулся у Марка перед глазами, изображение полностью покинуло его звенящую от адского грохота голову, а когда вернулось, оказалось, что он, Марк Фишер, паскудно

валяется на полу кверху пузом. Кисти рук мозжат, будто по ним врезали бейсбольной битой, а в ушах стоит войлочная тишина.

Да, ребята, пятидесятый калибр – жуткая штука, подумал Марк.

Он приподнял голову. Голый парень улепётывал вправо. Там не было никакого прохода, только кадка с умирающей пальмой да несколько рогатых деревянных вешалок, на вид – ровесниц первого паровоза. И глухая стена, обитая дешевыми пластиковыми панелями. В эту-то стену, как ныряльщик в воду, бросился голый парень. С разбегу.

И – пропал в ней целиком. Будто не было.

Марк вскочил, всмотрелся. Нет, никакой двери, никакого шкафа, никакого окна... Сплошная стена. Рехнуться можно!

Пистолет парень бросил, поэтому Фишер почти без опаски приблизился к аномальной зоне. Он бы, разумеется, предпочёл, чтоб со спины страховали Тим с Киром, но те почему-то не показывались. Надо полагать, услышав пальбу, вышибли своим тараном окошко и смылись подобру-поздорову.

Фишер постучал стволом «Пустынного Орла» по стене. Тонкий пластик задребезжал, но и только. Волшебная дверца не распахнулась. Пребывая в состоянии полнейшего смятения духа, Марк поспешил прочь из сатанинского здания. Как бы то ни было, операция с треском провалилась. Настала пора драпать. И как можно поспешнее.

* * *

Декс с Сильвией стояли возле седана. Выражения лиц у обоих были крайне встревоженные.

– Что там случилось? – Мисс Голдэнтач схватила Марка за рукав. Фишер отметил, что стерва успела привести себя в порядок, причесаться и подкраситься.

– Не знаю, – честно признался он.

– Что значит – вы не знаете?

– А то и значит! Пока наши brave придурки громили ГЛОК, я вернулся в холл. Проверить, не очнулся ли охранник.

– Неужели очнулся? – встрял Декс. – Не может быть, средство гарантированно валит даже...

– Он был без сознания, – с раздражением перебил Марк его лепетание. – Но рядом сидел какой-то тип. Молодой спортивный парень. Лет двадцати. Почему-то голый.

– Может, бойфренд охранника? – предположила Сильвия.

– Да мне-то откуда знать? Я и разглядеть его толком не успел, он начал в меня стрелять из пистолета сторожа. К счастью, промахнулся. Я пальнул в ответ. Тоже мимо. Тут он и смылся.

– Куда?

– Куда-то в коридоры, – уклончиво пробормотал Марк. Вдаваться в подробности – в такие подробности! – ему не хотелось. Что может быть хуже, чем прослыть галлюцинирующим идиотом?

– Значит, всё насмарку. Грёбаное дерьмо! – Мисс Голдэнтач топнула ножкой.

Краем глаза Марк уловил какое-то движение в близких кустах. Сквер окружал здание ГЛОКа сплошным кольцом. Был он тёмный и дик, будто вьетнамские джунгли из фильма «Взвод». Там могла скрываться целая рота голых аборигенов, вооружённых не то, что «Макаровыми» – базаками и пулемётами! Нервы у Фишера были напряжены как перетянутые струны, и прежде чем рассмотреть, кто там бродит, он направил в сторону кустов пистолет. Ей-богу, он выстрелил бы, но обычно медлительный и вежливый Декс гаркнул совершенно по-сержантски: «Спрячьте пушку, параноик!» – и Марк послушался. Главным образом не потому, что испугался окрика, а потому что разглядел, кто бродит в зарослях.

Это была лошадка. Аккуратный ухоженный пони. Без седла и уздечки. Явно жеребец. Хозяина поблизости не наблюдалось.

В пору детства и юности Марка Фишера (тогда ещё Марика Рыбника) бесхозные пони по улицам Раши не бродили. Но ведь с тех пор прошло почти двадцать лет...

Коняшка – это вам не ооновская овчарка. Ситуация несколько разрядилась. И тут, то ли напугавшись вопля Декстера, а то ли просто по физиологическим причинам пони уписался. Напряжение спало окончательно. Марк и Декс облегчённо захохотали. Мисс Голдэнтач буркнула что-то о мужчинах, которые до гробовой доски остаются малолетними дебилами, нырнула в машину, вытащила уоки-токи и начала вызывать Тима с Киром.

Те вскоре появились. На Марка оба смотрели абсолютно без смущения. Будто не оставляли его предательски один на один с голым стрелком. А впрочем, стоит ли ждать от наёмников преданности и самопожертвования?

Штурмовая бригада, подгоняемая командами мисс Голдэнтач, попрыгала в машины и с возможной скоростью рванула с места преступления.

Последним, что промелькнуло перед глазами Марка Фишера, был пони. Качая башкой, жеребчик брёл назад в сквер.

На задних ногах.

Глава 3

Павел

Наш шеф, владелец детективного агентства «Серендиб» (да и всех его работников, если разобраться) – создание сверхъестественное. И это не фигура речи, а сущая правда. Дело в том, что он средневековый ифрит. Очеловечившийся и до известной степени обрусевший, но всё-таки самый настоящий. Хоть пробу ставь. Высшую. Только явился он не из сказок «Тысячи и одной ночи», а из действительно существовавшего и в какой-то мере существующего до сих пор потаённого магрибского государства Зок. Это – если верить его собственным словам. Я отношусь к ним с разумной долей скептицизма, потому что знаю: для ифрита солгать проще, чем превратиться в столб дыма или гигантскую плотоядную черепаху. То есть вообще ничего не стоит. Впрочем, место и дата его появления на свет по-настоящему важны лишь для того, кто намерен взять над ним власть. У меня таких планов нет.

Во всяком случае, пока.

Величают его беем Сулейманом Куманом эль Бахлы ибн Маймуном ас-Саббахом и прочая и прочая. Двадцать девять имён собственных, не считая артиклей, предлогов и компонентов, обозначающих степени родства. Мы, подчинённые, зовём его в глаза Сулейманом Маймуновичем. Между собой просто Сулейманом или Сулом. А порой – нашим долбаным выжившим из ума стариком, растреклятым доисторическим чудовищем или просто душманом. Но тс-с! Кажется, он умеет подслушивать мысли.

Вообще-то ифриты – существа на редкость вздорные. Чуть что не по ним, готовы в мгновение ока разрушить какой-нибудь город или разорвать тысячу человек на тысячу кусков. Причём каждого. Шеф, к счастью, не таков. Звучит парадоксом, но долгие века жизни значительно улучшили его характер. С ним можно вполне нормально общаться и даже временами шутить, не опасаясь быть испепелённым на месте. Сам он тоже шутник не из последних. Только чувство юмора у него средневековое. Подозрительность, кстати, тоже. Посему допрос с пристрастием в нашем агентстве называется «рапортом о проведённой операции».

Именно этой изощрённой попытке я сейчас и подвергался.

– Клянусь, эфенди, он был заговорён от пули! – горячо говорил я, стоя навтыжку перед развалившимся на диване Сулейманом. Тот недоверчиво шурил глазки, теребил завитую бороду и покачивал ножкой в расшитой туфле. И молчал.

– Иного объяснения нет.

Я рубанул левой рукой. Правая была вытянута по шву, и пошевелить ею не имелось возможности. Так же, как любой из ног. На меня было наложено частичное заклятие соляного столба. Шеф не терпит, когда во время доклада подчинённые бегают по кабинету или чересчур активно жестикулируют. Активная жестикуляция и пробежки – его собственная прерогатива. Только его. Сатрап магрибский.

– Я стрелял практически в упор. Дважды. Ему как с гуся вода.

– Дубина ты, Паша, – ласково сказал шеф. – У чоповцев редко бывает боевое оружие. Чаще всего газовое. Или останавливающего действия.

– Говоря доступным языком, это значит с резиновыми пулями, – твякнул бес, который по излюбленной привычке расположился под столом. Его Сулейман не обездвигивал, что злило меня чрезвычайно. Правда, для привилегии была серьёзная причина; но всё равно обидно.

– А в газовых пистолетах патроны обычно чередуются, – продолжал солировать Жерар. – Один шумовой, другой нервно-паралитический. Снова шумовой и опять нервно-паралитический. Ты наверняка шумовыми палил.

– Вот только мнения болонок мы ещё не спросили, – огрызнулся я. – Ну всех буквально спросили, а болонок, блин, забыли.

– Сулейман Маймунович, скажите вы ему! Чего он опять обзывается? – обиженно взвыл Жерар.

– А ты не подначивай, – отреагировал справедливый шеф.

– Да я ж ради пользы дела. Просветительство невежд – мой благородный долг. Как старшего соратника, умудрённого опытом многих веков. Как существа, стоящего на неизмеримо более высокой ступени интеллектуального развития. Как друга, наконец!

– Завелась шарманка, – утомлённо вздохнув, заметил я.

Шеф тем временем поднялся с дивана, коснулся меня пальчиком – и я оттаял. Соратник, умудрённый опытом многих веков, воспринял моё освобождение без восторга. Наоборот забрался ещё глубже под стол. Видимо боялся огрести по шее, энциклопедист блохастый. И правильно боялся. После завершения отчёта я всегда испытываю неодолимое желание что-нибудь сломать или разбить. А ещё лучше кого-нибудь покалечить. Такая вот диковинная нервная реакция.

Пока я разминал ожившие конечности, Сулейман вразвалочку прошествовал к своему циклопическому бюро из железного дерева, раскрыл дверцы и вынул рулон плотной белой бумаги. А также обтянутый кожей плоский футляр. Положил то и другое на стол и поманил меня пальцем.

Бумага моего интереса не возбудила, зато коробочка заинтриговала не на шутку.

Размерами футляр был примерно двадцать на тридцать сантиметров, толщиной около трёх. Запирался двумя крошечными медными крючками, в углу виднелась металлическая табличка с гравировкой. Какое-то слово. Буквы, кажется, готические. Разглядеть табличку толком я не успел, Сулейман откинул крышку.

Внутренность футляра выстилал фиолетовый бархат, а в продолговатых углублениях лежали матово отсвечивающие стальные предметы. Сильнее всего они походили на хирургические инструменты или на орудия утончённых пыток. Рядом с коробкой шеф поставил стеклянный пузырёк строгой формы, наполненный чёрной жидкостью.

– Что это? – спросил я с некоторой тревогой. «Допрос с пристрастием» из фигуры речи грозил превратиться в пугающее действо. С моим непосредственным участием в роли допрашиваемого.

– Готовальня, – бесстрастно отвечивал Сулейман. – Тушь.

– Какая ещё готовальня? Какая тушь?

– Готовальня золингеновская, тушь паркеровская. Ещё вопросы?

– Зачем они?

– Чертить, разумеется, – пожал плечом шеф. – Ты ведь чертежи запоминал, правильно?

– Да не умею я тушью рисовать. Тем более, этими железками. Давайте уж как обычно, карандашиком.

– Слушай, Павел, – начал сердиться шеф, – карандашиком ты знаешь, что можешь делать?..

Жерар, судя по счастливому повизгиванию, приготовился ляпнуть какую-нибудь пошлятину, однако мне удалось опередить его. Долгие тренировки не прошли даром.

– Рисовать, – вкрадчиво пропел я.

– Вот именно, рисовать. А мне нужны черте-жи! Выполняют их тушью и чертёжными инструментами. Инструменты перед тобой. Лучшие, какие я смог достать в этом городишке, мир ему и его жителям. Вот циркуль. (Я кивнул: знаю.) А вот мой любимый. Рейсфедер.

Сулейман достал из готовальни инструмент, похожий на тюнингованный пинцет, покрутил имеющееся на боку инструмента колёсико с насечкой и объяснил:

– Разводя и сводя губки, можно добиться требуемой толщины линии. Нам понадобятся два рейсфедера. Один для тонких линий, другой для толстых.

– Сулейман Маймунович! – взвыл я, прервав его объяснения. – Но я же не умею чертить этими вашими штангенциркулями и тушью. Кляксами всё заляпаю! Кроме того, нужны линейки, угольники всякие...

– Не штангенциркулями, а рейсфедерами, – твякнул из-под стола Жерар. – А вместо линейек может использоваться рейсшина.

Я двинул ногой, ориентируясь на звук. Удача была на моей стороне. Носок кроссовки врезался в мягкое. Бес взвизгнул и заткнулся.

– Ты не умеешь. Умею я, – сказал шеф. – Смотри мне в глаза.

* * *

Смотреть в глаза ифриту – страшно.

И вовсе не оттого, что они похожи на глаза безумца, акулы, змеиные или волчьи. В них не тлеют красные угольки и не плавают вместо зрачков светящиеся черепа. Первое впечатление – это обыкновенные человеческие глаза. Карие восточные очи с поволокой, опущенные длинными ресницами, сводящими с ума дамочек. Но помните правило о том, что первое впечатление часто обманчиво? Глаза ифрита – наглядное подтверждение этого правила. В них растворяешься. Как рафинад в кипятке. Это отчасти похоже на погружение в стену, но только отчасти. Во время транспозиции всё-таки чувствуешь себя индивидуумом, хозяином собственного тела и сознания. Здесь – теряешься полностью, попадаешь в абсолютное рабство. Никакого послушания, никакой лени. Работа на результат, до изнеможения, а если потребуется, то и до смерти.

Можете представить, что меня ждало.

Впрочем, где там! Не можете.

...Если ориентироваться по часам, отпахался я за четыре с половиной часа. Если по собственным ощущениям – за добрый десяток. Шею и верхнюю часть спины сводила судорога, руки мелко тряслись. Кончики пальцев были густо заляпаны тушью.

Зато чертежи получились чистенькие, без единой кляксы, без единой помарки. Двадцать четыре идеальные графические работы. Хоть сейчас на выставку. Меньшая часть листов лежала на столе, большая была развешена по стенам. В рамочках, хоть и не под стеклом.

– Молодец, – сказал мне Сулейман и ласково похлопал по плечу. – Быстро управился. Я думал, дольше провозимся.

– А я всегда говорил, что Паша способен на подвиги. Его просто нужно гонять, – зевнув, подхватил Жерарчик. Он лежал на диване, морда у него была заспанная. – Безжалостно гонять.

– Пять часов! – просипел я. – Это вы называете быстро?

Сулейман пожал плечами. На его взгляд, обсуждать тут было нечего. Бесу наоборот хотелось поговорить. Он уселся совершенно по-человечески, откинувшись на спинку дивана, и плавно повёл передними лапами в стороны.

– А ты думал сколько? Это ж не чёрный квадрат намалевать! Здесь – труд!

– Изуверы, – заключил я, рушась на пол, в мягкие объятия бухарского ковра. – Варвары.

Хотелось выразиться значительно крепче, но при Сулеймане распускать язык опасно. Существуют идиомы, за произнесение которых он может этот орган вырвать с корнем. А возможно, и не только этот. Хотя понять, отчего его злят ругательства, связанные с сексом, довольно сложно. Размножаются ифриты вовсе не так, как люди.

– Да, скифы мы! Да, азиаты мы! – подвывая от собственного остроумия, продекламировал Жерар и повернул морду к шефу: – Так, эфенди?

– Так, дорогой, – согласился тот, а затем спросил: – Паша, ты голоден, мальчик?

Я кивнул.

– Зверски.

– Чего хочешь покушать? Называй любые блюда, любые напитки. Герою не будет отказа ни в чём.

– Пожалуй, пяток хот-догов, – процедил я, пристально глядя на беса. – Натуральных. И порцию маринованных собачьих ушей по-арканарски.

Жерар поёрзал задом по дивану и мелко захихикал. Тревоги в этом смешке было куда больше, чем радости.

– Весельчак! Шутник! Вот за что я люблю Пашеньку, так это за чувство юмора. А вы, Сулейман Маймунович?

– А я за конкретику, – сказал шеф. – Не виляет человек, не мямлит. На прямые вопросы даёт прямые ответы. Поди сюда, пёсик.

– Зачем?

– Э, брось ослом прикидываться. Я сказал: накормлю всем, чего душа пожелает. Паша сказал: хочу собачьи уши. Ну и где я их среди ночи возьму? Корейский ресторан наверняка закрыт. А ты – вот он.

– Ага, смешно. Сейчас животик надорву, – оскалился Жерар и погладил правой лапкой перстень, надетый на левую.

Сулеймана будто мешком цемента по голове отоварили. Он враз поник и утратил значительную часть своей величавости, став похожим на обыкновенного торговца дынями с Вознесенского рынка. И немудрено. Перстень этот, доставшийся бесу в результате хитроумной операции, был – ни много, ни мало – символом власти. Власти над стариной Сулейманом.

– Поаккуратнее с колечком, бес, – сказал шеф глухо. – Брось дурака валять.

– Да ну? – с язвительностью тявкнул Жерар. Несмотря на внешнюю безобидность, он умеет, когда припрёт, становиться тем, кем является. Дьявольским отродьем. – Разве мы все здесь не дурачимся? Не пытаемся вставить друг другу милую товарищескую шпильку? А?

Сулейман смотрел в пол и шумно дышал. Пряди его роскошной бороды начали двигаться, словно щупальца каракатицы. Кажется, из-под них поползли сизые струйки дыма.

– Ладно, – поспешно сказал я. – Ладно, ладно... Уговорили! Согласен обойтись без раз-носолов. Сулейман Маймунович, вы же понимаете, что с маринованными ушами была шутка. На самом деле я совсем не голоден. Выпью чашечку кофе со сливками, чтобы по дороге домой не заснуть, и хорош.

– Зачем куда-то ехать, дорогой, – выдержав паузу, сказал шеф. Голос его был вновь спокоен и звучен. Всё-таки самообладание у него нечеловеческое. – Покушаешь и ляжешь спать. Прямо тут у меня, чтоб никто не беспокоил. А когда проснёшься, будет тебе отгул, премия и маленький сюрприз.

– Надеюсь, приятный?

– Не сомневайся.

* * *

Ужин состоял из блинчиков с начинкой из баранины и грецких орехов, наваристой шурпы, большого количества крошечных, удивительно вкусных пирожных и чая по-ирански. Красноватый чай был налит в ормуд – стеклянный стакан, имеющий форму вазочки. Сколько я ни отхлёбывал, напиток оставалось доверху, и был он одинаково горяч. К чаю помимо пирожных прилагался мелко колотый розоватый сахар. К шурпе и блинчикам – свежайшая, головокружительно благоухающая зелень.

А ещё на столе лежал большой хот-дог в целлофане. Бледный как личинка навозного жука и мятый, будто на нём кто-то посидел. Один его вид вызывал изжогу. Такие, с позволения, бутерброды можно встретить в палатках быстрого питания на вокзалах и возле станций метро.

Отправить это недоразумение в желудок лично я решусь только со страшной голодухи. Но, говоря по справедливости, хот-дог находился на столе совсем не для еды. Выставляющийся конец сосиски карикатурно походил на морду Жерара. Сулейман на протяжении всей моей трапезы задумчиво тыкал в неё зубочисткой. Из проколов сочились красные капельки. Наверное, кетчуп.

Беса это представление скорей веселило, чем раздражало.

– А теперь объясните, во что мне посчастливилось вляпаться, – сказал я, расправившись с первым и вторым. – Было обещано, что операция пройдёт тихо и незаметно. Что проблемой может оказаться только нахлебавшийся пива охранник. А на самом деле? Стрельба, разрушения и чуть ли не трупы. К тому же иностранка эта... – Я вспомнил лицо строгой красавицы и добавил: – Железная леди какая-то. Айрон майдэн.

– Веришь, Пашенька, сам в недоумении! – Сулейман развёл руками. – Клиент мне сообщил, что в настоящее время эти чертежи представляют мизерную ценность. Да и то лишь для предельно узкого круга лиц. Предупредил, что его собственный интерес является секретом, и должен таковым оставаться впредь. Поэтому от возникновения шумихи вокруг документов следует настоятельно воздерживаться. Засим просил не похищать их, не уничтожать, а всего лишь тайком скопировать.

– Это какие-то закрытые разработки? Оружие?

– Что ты! Что ты! – отмахнулся Сулейман. – Сам же видел, старьё, антиквариат. Прошлый век. Да и фирмочка... Дыра дырой. Название только звучное. «Главная лаборатория опытных конструкций»! Смех один. Ну подумай сам, разве в такой шарашке может находиться что-то ценное? Ха-ха-ха!

– Шеф, – сказал я, – у вас смех фальшивый.

Ифрит укоризненно покачал головой и оттопырил нижнюю губу.

– Ай-ай, какой невоспитанный юноша. Замечания старшим делает. Если бы не любил тебя как родного сына, в паука за это превратил бы.

– В паука я и сам могу, когда отосплюсь. Рассказывайте, Сулейман Маймунович, вам же хочется поделиться соображениями.

– Не сейчас, мальчик мой. Да и вообще, меньше знаешь – крепче спишь. Кстати, ты клюёшь носом, Пашенька.

Меня действительно всё сильнее клонило в сон. Уже и чай не помогал. Держался я лишь потому, что происшествие в ГЛЮКе вплотную касалось целостности моей шкуры. Хорошо, на первый раз мне повезло, но что дальше? Вдруг эта шайка иностранцев решит разыскать и устранить свидетеля? Или того хуже, наш клиент вздумает кардинально замести следы. Сулеймана одолеть у него пупок развяжется. Если, конечно, он не владелец ядерной ракеты или железно-дорожной цистерны с напалмом. И даже в этом случае далеко не факт, что его победа predetermined. Зато разведать, кто выступал исполнителем, и тихонечко устроить для него несчастный случай – о, такой соблазн может возникнуть.

Поэтому надеяться на «авось пронесёт» легкомысленно. Беспечность в подобных случаях оборачивается крайне скверно.

– Тогда последнее, шеф, – сказал я. – Что за любитель старинных чертежей оплатил мой поход в ГЛЮК, вы всё равно не сознаетесь...

Сулейман кивнул.

– В таком случае давайте договоримся. Когда вы с ним обсудите сегодняшнюю фиг... хм, сегодняшнее происшествие и придёте к каким-то выводам... Короче говоря, рассчитываю с этими выводами познакомиться.

– Обещать не могу, – Сулейман покачал головой. – Посмотрим, нужно ли моему драгоценному комбинатору знать больше, чем он знает сейчас. Если разобраться, то своё дело ты уже сделал. Дальше – забота других.

* * *

Думаете, старина Сул постелил лучшему работнику агентства в собственном кабинете, на кожаном диване, а сам устроился в приёмной – охранять его сон? Или проводил в заднюю «тёмную» комнатку, в которой диван помягче, и где нормальный босс предавался бы шалостям с секретаршей, а наш бездарно кемарит после обеда?

Как бы не так! Хладнокровно проигнорировав возражения, шеф загнал меня в подвал, в компанию к терракотовому изваянию древнекитайского палача и заспиртованной ламии. Хорошенькое соседство!

При жизни упомянутый человек-змея носил имя Джулия и изображал трансвестита-шоумена в кабаре «Скарапепя». Чем занимался китаец, достойный муж Гоу Лем, догадаться проще простого. Как всякий палач, сдирал кожу, дробил кости, рассказывал сутками напролёт бородатые анекдоты и так далее. О подробностях знать не очень-то хочется: такие знания мало способствуют безмятежному сну. Сулейман утверждает, что этот древний крендель был лучшим живодёром за всю историю человечества. Самым изощрённым и изобретательным. Может быть, может быть... Кое-какие умения сохранились даже у статуи, что уж говорить об оригинале. Впрочем, существует мнение, что терракотовая фигура и есть настоящий Гоу Лем, второй распорядитель церемоний при палате исправления наказаний императора Цинь Ши Хуанди. В сегодняшнем теле, значительно более долговечном, чем человеческое, он дожидается воскрешения своего повелителя. А как тот оживёт, тут-то нам всем и абзац. Полный и окончательный.

Итак, коллективчик подобрался – только врагу пожелаешь. К счастью, верный друг и напарник Жерар решил не бросать меня одного среди жутких тварей.

Стоило бронзовой плите, исполняющей роль двери, с хрустом закрыться за спиной шефа, как мохнатый шельмец вспрыгнул на застеленный ковром сундук.

– Ну что, чувачок, гони назад мою вещицу.

Речь шла о его iPod-е. Бес слёзно упросил меня на время общения с шефом спрятать плеер в карман, и тому были серьёзные причины.

Сулейман испытывает застарелое и очень стойкое отвращение к технике, использующей микропроцессоры. Тянется оно ещё с тех пор, когда компьютеры назывались электронно-счётными машинами и занимали помещения размером с виллу олигарха. Сулейман был одним из первых советских кибернетиков. Разрабатывал он ни много, ни мало, искусственный разум. Дело в том, что к человечеству ифрит относился в те годы... как бы это сказать помягче? Едва-едва терпимо. Ну а выражаясь без экивоков, яростно мечтал сократить поголовье людей раз в тысячу. Остатки частью превратить в рабов, частью загнать в резервации. Основания к ненависти у него имелись и самые серьёзные. Как-никак именно люди изгнали волшебных существ, в число которых входят ифриты, с трона властителей Земли. Многих уничтожили, многих заставили прислуживать. Так за что ему нас любить, скажите на милость?

Поскольку в одиночку с прополкой человечества справиться было трудновато, Сулейман искал союзников. Самым перспективным в этом плане он посчитал машинный разум и взялся за разработку мыслящей ЭСМ. Работа двигалась чрезвычайно успешно. Прототип будущего Владыки человечества уже научился составлять стишки на манер детских потешек и связно отвечать на вопрос «кто в доме хозяин?», как вдруг кибернетику в СССР объявили лженаукой. А всех связанных с нею людей – лжеучеными. Со всеми вытекающими последствиями.

Сулейман огрёб от гонителей кибернетики по полной мерке. Был лишён учёной степени и места в институте, вдобавок натерпелся страху под следствием. Разумеется, лубянские застенки для ифрита – совсем не то же самое, что для обычного научного сотрудника, однако хлебнул лиха и Сулейман. Наконец его, полностью деморализованного, сослали в Среднюю

Азию, где он провёл несколько лет, служа счетоводом в захудалом хлопководческом совхозе. За это время бывшая любовь к «думающим машинам» сменилась лютой ненавистью.

Следствием стало то, что наш «Серендиб» – в техническом плане – наверное, самое отсталое детективное агентство мира. Ни компьютеров, ни мобильных телефонов, ни даже множительной техники. Только колдовство, магия да сверхчеловеческие способности сотрудников. Конечно, при выполнении заданий за стенами конторы, пользоваться современными средствами не возбраняется. Однако и на поощрение рассчитывать бессмысленно. Сознаться Сулейману, что добыл какую-то информацию из Интернета – всё равно, что собственноручно написать заявление на отказ от месячной премии. А уж явиться в контору с КПК или мобильником... Последствия такой глупости я даже представить не берусь.

– С тебя шампанское, – напомнил я псине, отдал плеер и забрался в гамак. Хвала покровительницам комбинаторов Кривой да Нелёжкой, – спать на холодном полу или на сундуке подле беспокойного Жерара мне не пришлось.

* * *

Мне снилось, что Сулейман исполнил-таки угрозу превратить меня в паука. И вот я, матёрый крестовик, сижу на краешке теряющихся в тумане тенёт, держу в лапках конец сигнальной нити и жду, когда она задёргается, объявляя, что в сеть попала жертва. Жрать хочется жутко, абсолютно не по-человечески. Хочется вцепиться в какую-нибудь букашку, и выпить её досуха – даже раньше, чем внутренности под воздействием моего яда превратятся в сладкий кисель. И вот нить вздрагивает. Наверняка это кузнечик – их здесь уйма, от многоголового стрекотания с ума можно сойти. Я опрометью бросаюсь в туман. Паутина пружинит, подталкивает и прибавляет скорости. Впереди вырисовывается крупный силуэт, он всё ближе... и я замираю, ошеломлённый. Передо мной дама. Паучиха. Она прекрасна, прежде я никогда таких не встречал. Узкая талия, длинные конечности, изумительных пропорций брюшко, будто нарочно созданное для объятий. Влажные хелицеры и жвала, манящие впитаться в них поцелуем. Гипнотический блеск глаз и одуряющий аромат духов. Устоять против влечения я не могу, да самка и не желает, чтоб я устоял. Она призывно шевелит лапками и поводит брюшком...

Когда водопад нашей страсти истощается, я провожу коготком по матово отсвечивающей головогрудии моей возлюбленной и спрашиваю:

– Как тебя зовут, красавица?

– Клеопатра, – отвечает она.

– Красиво, – говорю я. – А какая разновидность?

– Чёрная вдова, – с печальной улыбкой говорит Клеопатра, и плотнее приникает ко мне.

– Это та, которая после ночи любви откусывает голову самцу? Удачная шутка. А всё-таки?

Вместо ответа паучиха распахивает горячую пасть...

Проснулся я с дико колотящимся сердцем.

Помещение наполнял зловещий свет – хотя назвать светом это оптическое явление можно только от бессилия подобрать верное слово. Потолок словно бы напился призрачным лиловым огнём, от которого повсюду бродили фиолетовые не то тени, не то наоборот – всполохи. Они жили собственной inferнальной жизнью, спаривались, воевали, рождались и умирали. Кажется, они даже издавали звуки: давящее гудение, треск на грани слышимости, бормотание и стоны... Фрески и гобелены на стенах преобразились до неузнаваемости. Благообразные ещё недавно лица людей превратились в мерзкие рожи, которые скалили клыки, дико вращали зенками и высовывали язычищи. Тела непристойно извивались, города горели, леса и травы гнили на корню, водоёмы тухли и превращались в разверстые гнойники.

Заспиртованный человекозмей Джулия приник к стеклу аквариума точно насильник к телу жертвы и, похоже, всерьёз намерился выбраться наружу. То есть он по-прежнему оставался статичным, как положено экспонату, однако я спинным мозгом чувствовал: это статичность замершей перед броском кобры. Это покой ядра в пушке, у которой уже вспыхнул порох на запальной полке.

Лишь вокруг шахматного столика сохранялся островок покоя. Ровно горела керосиновая лампа под зелёным абажуром, Жерар лежал на коленях достойного мужа Гоу Лема и, зажмурившись, слушал плеер через одну капельку наушников. Вторая была воткнута под шапочку терракотовой статуи. Оба меломана плавно покачивались из стороны в сторону, следуя какому-то ритму. Из-под сиденья китайского палача потихоньку сыпался песочек.

Набравшись мужества, я выбрался из гамака и твёрдым шагом двинулся к одному из гобеленов. От полотна ощутимо тянуло жаром степи, запахами сухих трав, пыли и конского пота. Стоило мне приблизиться, вытканый всадник на тонконогом жеребце прищурился, разинул рот – так широко, словно собирался откусить голову собственному скакуну – и потянул из ножен саблю. Отчётливо послышался шипящий звук, с которым сталь скользит по дереву и коже. Чисто механически я толкнул двумя руками коня. Ладони на краткий миг ощутили упругий бок теплого живого тела, и лошадь начала медленно валиться. Раздался сильно приглушённый конский храп и гортанная брань. Из недалёкой ложбинки тут же показались силуэты трёх волков...

Утешая себя тем, что с таким хайлом как у наездника волков можно заглатывать аж целиком, я попятился к шахматному столику. Все до единой хари на гобеленах и фресках вылупились на меня и провожали людоедскими взглядами. А ведь казалось бы такие славные парни! Через одного просвещённые правители древности да философы гуманитарной направленности.

– Что здесь происходит? – с интонациями завуча старших классов громко спросил я, умудрившись не дать петуха.

Жерар вздрогнул и открыл глаза.

– Чувачок, ты меня зайкой сделаешь, – укоризненно твякнул он. – О чём беспокойство? Я широко повёл рукой, вызвав новый припадок трансформаций в «живых картинках».

– Скажешь, так и должно быть?

– Колоссально! Как там у Ходосевича: «И в этой жизни мне дороже всех гармонических красот – дрожь, побежавшая по коже, иль ужаса холодный пот...». – Бес начал восторженно осматриваться. – А ты дирижёр! Ну-ка, махни ещё разок.

Кривясь от омерзения к небиологической жизни, я подвигал кистью. Разок и другой. И третий. Оказалось, это вовсе не страшно, а напротив весело. Несколько минут мы развлекались, принуждая фараонов и царей корчить гримасы, которым позавидовал бы и Джим Керри, а потом мне это наскучило. Будто мартышек в зоопарке дразнишь. Непонятно, по какую сторону решётки глупое животное, а по какую – венец творения. Напоследок я подошёл к Джулии, сделал ему «козу», щёлкнул ногтем по пустой комнате стекла аквариума и вернулся к шахматному столику.

Жерар одобрительно следил за моими действиями, Гоу Лем прикрыл терракотовые веки. За более чем двухтысячелетнюю жизнь он насмотрелся всякого.

– Будем считать, светомузыкальная установка старичка Сулеймана отработала на пятёрку. – Я осторожно присел на краешек стола. Достойный муж воспринял мои действия без агрессии. Видимо, столик был достаточно прочным.

– При чём здесь Сул? – возразил бес. – Всё это Маппет-шоу имеет к нему только косвенное отношение.

– Ну-ка? – заинтересовался я. – Давай подробнее.

– Уверен, это вроде побочного эффекта. Когда шеф колдует, в окружающем пространстве накапливается магия. Как статическое электричество после грозы. Вот копится она, копится, а потом начинает «искрить». Ты разве не замечал, что в его кабинете иногда происходят странные вещи? Даже когда он отсутствует.

– Замечал.

– Вот и тут так же. Побочка, чувачок, всего лишь побочка...

– Хорошо, если так, – сказал я. – А если эти поганцы в самом деле живые? И имеют привычку вылезать из своих половичков и делать непочтительным гостям секир-башка? Вот и сейчас – как выскочат!

– Кому высказывать-то? – иронично поинтересовался бесёнок. – Это обычные старые ковры, Паша! Там только шерсть, пыль да дерьмо личинок моли. Так, почтеннейший? – обратился он к Гоу Лему.

Тот едва заметно кивнул.

Зато в начавшем, было, успокаиваться тканом бестиарии последняя фраза Жерара вызвала настоящий взрыв мимики. И – ни одной одобрительной гримасы, ни одного доброжелательного жеста.

– Кажется, твои слова о дерьме моли их слегка разозлили, – заметил я.

– Похоже, – согласился Жерар и показал изображениям фараонов согнутую правую переднюю лапку, ударив по сгибу левой. Те впали в окончательное неистовство, а довольный хулиган продолжил теоретизировать: – Я думаю, что магия вроде тяжёлого газа – стремиться заполнить низкие места. Потому-то волшебство чаще всего и происходит в разных подземельях да катакомбах.

Чтобы не длить неизвестность, я быстро подошёл к двери, ведущей наверх, и попытался её открыть. Дверь оказалась заперта. Я забарабанил в неё кулаками. Толстенная бронзовая плита поглощала звук практически полностью. Нужна была хорошая колотушка. Я с интересом присмотрелся к треноге, на которой стоял здоровенный котёл под крышкой, но тут дверь начала открываться.

Через образовавшуюся щель в подвал проникла ширящаяся полоса электрического света, запах свежего кофе и голос Сулеймана:

– Ну что ты колотишь, будто матрос в затонувшей подлодке? В туалет захотел?

– Угу. Чуть не обделался, – сказал я и обернулся, уверенный, что «Маппет-шоу» прекратилось.

Так оно и было. Гобелены висели спокойно, как в музее. Тканые и вышитые философы, цари и фараоны демонстрировали величественные позы и благородные выражения лиц. И только на ковре, где раньше гарцевал на тонконогом скакуне всадник в белой чалме, клубилась сцена кровавого пиршества волчьей стаи.

* * *

Трапезы у Сулеймана всегда на высоте. Вот и сегодняшняя оказалась полностью в моём вкусе. Не слишком крепкий, но очень горячий и крайне ароматный кофе, круассаны с хрустящей корочкой, несколько видов джема и взбитое до состояния крема сливочное масло с сыром. Для Жерара шеф выставил его любимый ягодный творожок и молоко, для себя – крошечную рюмку коньяку. Впрочем, если судить по тому, как часто он к ней прикладывался, рюмочка была бездонной.

– Что задумались, ребята? – спросил шеф.

– Никак не пойму, что за козявки на этих чертежах... – Я показал столовым ножом на развешенные по стенам листы.

Шеф задумчиво намотал на палец прядь бороды и начал рассказывать. Издалека начал.

В 1912 году русский аниматор Владислав Старевич показал публике мультфильм, где персонажами были куклы-насекомые, играющие на музыкальных инструментах. Выглядело это настолько живо, удивительно и забавно, что в стране сразу же вспыхнула мода на игрушечных букашек. Особенно таких, которые способны двигать лапками, усиками и крылышками. В нашем Императрицыне тогда существовала фабрика игрушек Ивана Скотинина. Специализация: говорящие и шагающие куклы, а также паровозики, кораблики, пушечки и прочая серьёзная техника для детишек состоятельных родителей. Скотинин был мужик ушлый, новую моду уловил в момент и сейчас же решил наладить выпуск механических насекомых. Конечно, для того чтобы букашки шевелились как взаправдашние, требовалось разработать подходящие конструкции.

Скотинин мелочиться не стал и объявил то, что сейчас называется тендером. Участвовали мастера из Германии, Франции, Швейцарии, Англии и Америки. Однако всех превзошёл местный инженер-часовщик со смешным именем Горгоний и ещё более смешной фамилией Мочало. Эдакий новый Левша. Правда, в отличие от героя Лескова, Горгоний был звероподобным типом с огромными ручищами, которыми с одинаковой лёгкостью ломал подковы и чинил самые миниатюрные часики. Вдобавок ходили слухи, что он тайно поклоняется Перуну и чуть ли не приносит ему кровавые жертвы. Неизвестно, Перун ему помог или он в самом деле был гениальным изобретателем, но представленные им эскизы и модели покорили Скотинина сразу и бесповоротно. На остальную членистоногую и жесткокрылую мелюзгу фабрикант даже смотреть не пожелал.

Иностранцы получили утешительные призы и разъехались, а Горгоний Мочало стал трудиться на Скотинина. В течение года были разработаны конструкции заводной бабочки, жука-рогача, стрекозы, муравья, кузнечика и, само собой, блохи. Блоха и муравей были размером с мышонка, стрекоза, кузнечик и бабочка со скворца, жук-рогач – с морскую свинку. Говорят, двигались насекомые абсолютно как живые, а одного завода хватало едва ли не на пять минут.

К сожалению, все они оказались чрезвычайно дороги в производстве. О серийном выпуске не могло идти речи. Изготовили всего несколько десятков игрушек, да и те в продажу не попали. Фабрикант одарил ими своих отпрысков и детей губернатора, а также юную танцовщицу местного варьете. Скотинину было прилично за пятьдесят, девушка годилась ему в дочери, если не внучки. Их скандальная связь обсуждалась во всех салонах Императрицына. Мечтал фабрикант преподнести полный набор и царевичу Алексею, но тут наступил февраль 1917-го. Дела пошли крутые, революция, а следом Гражданская война. Населению России стало не до игрушек. Скотинин вскоре эмигрировал – с детьми и танцовщицей. Горгоний Мочало, несмотря на богатырское здоровье, умер от тифа в 1919-м. На фабрике случился пожар, пережила она и разграбление. В середине двадцатых часть цехов кое-как восстановили. Там обосновалась артель по выпуску скобяных и хозяйственных изделий. Примусы «бывшей Скотининской» ценились весьма высоко.

Чертежи заводных букашек куда-то пропали.

Снова они появились на свет в конце тридцатых годов, в одном из авиационных конструкторских бюро СССР. Вдруг обнаружилось, что инженер Мочало применил в своих игрушках массу самобытных технических решений, которые как нельзя лучше подходили для систем и механизмов боевых истребителей. Правда, оригинальные чертежи здорово пострадали. Документация на бабочку, блоху и стрекозу практически погибла. Остались только чертежи жука-рогача, муравья да кузнечика. Тогда-то и были сняты копии – те самые кальки из розовой картонной папки. До недавнего времени они спокойно пылились в спецхране, но, в конце концов, перекочевали в ГЛОК.

– Для чего? – спросил я нетерпеливо. – И каким образом?

– Да самым банальным образом. Их просто-напросто выкрал один из сотрудников архива, некий Новицкий. Но не насовсем, а на недельку-две. Пока не хватились. Проделал он

это, разумеется, не для себя. Один небедный человечек пожелал перевести чертежи в... Как это называется?.. В цифровой вид. Скопировать на компьютер, выполнить трёхмерные модели, а потом вернуть папку на место. Начали с кузнечика. Чтобы не привлекать лишнего внимания, фирмочку для этого дела выбрали захудалую, заплатили гроши...

– Позвольте уточнить, шеф, – решил вклиниться я, воспользовавшись паузой (Сулейман отхлебывал из рюмочки). – Небедный человечек, заплативший архивариусу и конструкторской лаборатории – это ведь не наш клиент?

– Не наш. Это, если так можно выразиться, конкурент нашего заказчика. Только наш захотел получить именно бумажные чертежи. Пусть копии, но на ватмане. Да так, чтобы о его интересе не узнал вообще никто. Поэтому в ГЛОК отправился мой сотрудник, не оставляющий следов.

– Ты, чувачок, – твякнул Жерар.

– Иностранцы, что характерно, тоже отправились туда же и в то же самое время, – сказал я и шумно отхлебнул кофе.

– Только они-то наследили – мама не горюй. Вся секретность коню под хвост. Хорошая подляна нашему клиенту, – заметил Жерар. – Да и нам, если разобраться.

Сулейман поморщился. Видимо, эта невеселая мысль приходила в голову и ему. Как бы не надумал урезать премиальные!

– Шеф, – поспешил я отвлечь его от печальных дум. – А с чего вообще возник ажиотаж? Чуть не сто лет валялись бумаги в архиве, а тут вдруг хлоп: и понеслась! Всем потребовались одновременно. Неужели прогнозируется шквальный спрос на заводных тараканов?

– В ближайшее время обязательно выясню. Очень уж я не люблю, когда происходят такие совпадения. Особенно если при этом подвергаются опасности мои сотрудники. Поэтому с нашим клиентом уже сегодня будет самый серьёзный разговор.

– Ну а хотя бы имя конкурента известно?

– Нет. Попытаюсь узнать и это, – пробурчал шеф. – Пока удалось выяснить лишь то, что с Новицким он общался исключительно по электронной почте. Деньги за работу тоже переведены электронным способом. Наверное, для какого-нибудь Билла Гейтса отыскать адресата – раз плюнуть. Но я в этих нынешних фокусах разбираюсь как верблюд в бриллиантах. Сами знаете.

Мы кивнули. Кто ж этого не знает.

– А теперь, если покушали, отправляйтесь домой. Никого не бойтесь, вас будут охранять, я уже распорядился. Здесь награда для обоих. – Он щёлкнул пальцами, и на столе материализовался плотный конверт. – Разделите на три части. Две тебе, Паша, одна тебе, пёсик. А вот и обещанный сюрприз!

Сулейман вытащил из-за пазухи небольшое зеркало. Рукоятка изображала большеголовую женщину с очень широкими бёдрами и боевито торчащими вверх грудями. Вскинув несооразмерно длинные руки, женщина держала над головой украшенный растительным орнаментом металлический овал – оправу для зеркала.

– Бери, друг мой. Очень хорошая вещичка. Волшебная. Можно такое увидеть – пальчики оближешь! Ни в одном телевизоре не покажут.

– Помню, – промямлил я и, стараясь не смотреть в серебристый овал, затолкал подарок во внутренний карман.

Ох, и не понравился мне этот сюрприз. Пользы минимум, а вот греха с ним не оберёшься. Достаточно вспомнить, что засмотревшись в это зеркальце, Сулейман утратил заветный перстень, рабом которого является. Но и отказываться было нельзя. Обиженный ифрит хуже природного катаклизма.

Жерар глумливо хихикнул. Он тоже помнил, что отражается в зеркале Макоши.

Когда мы уходили, в приёмной никого не было. Я метнулся к секретарскому столу и сунул зеркало в нижний ящик, под какие-то бумаги. Запер замок, а ключик спрятал в карман. Пусть подарочек полежит здесь.

От греха подальше.

Глава 4

Марк

С самого раннего утра мисс Голдэнтач пребывала в бешенстве. Да и было от чего. Доклад мистеру Джи о провале «операции ГЛОК» проделал в её ауре, сотканной из эгоцентризма и веры в собственную непогрешимость, огромную дыру. Мало того, старый тиран ещё и загнал в эту дыру фитиль соответствующего размера и шероховатости, заметив на прощание: «Если не справитесь за неделю, приеду сам!».

Надо сказать, Марк, тайком подслушавший переговоры Сильвии с боссом, угрызений совести не испытывал. Ни малейших. Когда работаешь с дамочкой такого темперамента и властности, необходимо быть в курсе всего – от знания, что именно она напевала под утренним душем, до точной даты наступления месячных. Поэтому Фишер оказался лучше других подготовлен к последовавшей за переговорами буре.

На сторонний взгляд, однако, никакой бури не было. Мисс Голдэнтач казалась лишь чуть более холодной, чем обычно. Но плотно сжатые губы и слишком часто повторяющееся движение пальцев левой руки, похожее на «ножницы», выдавали её с головой. Сдерживалась железная леди из последних сил.

Собрав команду в гостиной загородного дома, служившего им пристанищем, Сильвия объявила:

– Пять минут назад я провела онлайн-переговоры с мистером Джи. Как и следовало ожидать, он крайне разочарован результатами нашей работы. На завершение операции нам отведена ровно неделя. Если не справимся за этот срок... Впрочем, об этом не может быть и речи. Теперь я хочу выслушать ваши предложения. Декстер?..

– Ну... – замямлил тот, теребя бакенбард. – Ну, я так сразу не могу.

– А ты попробуй! – взорвалась Сильвия.

От ужаса и без того длинное лицо Декса вытянулось ещё пуще. Казалось, он сейчас разрыдается или грохнется в обморок. Марка всегда поражал этот его священный трепет перед Сильвией. Вроде, мужик-то тёртый...

История Декстера была банальна и по-своему трагична. Он рано стал сиротой, вырос в приюте. Никакими талантами, за исключением умения драться на деревянных мечях и точно стрелять, не блистал. Естественно, что после школы вместо колледжа попал в армию. Был морпехом, утверждал демократию в зоне Персидского залива. Получил тяжёлое ранение, вследствие которого из армии его живенько списали. Курс реабилитации Декс проходил в небольшом техасском городке Плано. Пока лечился, сошёлся с медсестрой, хорошенькой разведённой мексиканочкой. У неё и жил.

Гражданской специальности у Декстера отродясь не бывало, поэтому зарабатывал он, изображая ковбоя в парке развлечений. А вечером переодевался Элвисом Пресли, на которого отдалённо походил лицом и фигурой, и отправлялся в байкерский ресторанчик. Играть на бильярде, стрелять на спор из духового пистолета по десятицентовикам, а иногда плясать на сцене под песни настоящего Короля – если находился достаточно щедрый мотоциклист, желающий увидеть знаменитое элвисовское движение бёдрами. После ранения задница у Декстера подёргивалась даже без музыки.

В Плано его и нашла Сильвия Голдэнтач. Знакомство произошло в экстремальных условиях. Вроде как Декстер спознал с куклукскланом (после войны в Заливе у него выработалась ненависть к арабам и вообще цветным) и крепко поехал крышей. Участвовал в тайных собраниях, распространял среди байкеров брошюры, а напоследок чуть не угодил в тюрьму. Застукал свою мексиканочку с каким-то парнем, имеющим недостаточно арийскую внешность,

и здорово избил обоих бокеном. После чего отправился в бар, паля в воздух из револьвера и выкрикивая расистские лозунги. Сильвия перехватила его буквально под носом у копов, увезла в Луизиану и взяла к себе шофёром. С тех пор Декс её боготворил.

– Давайте попытаемся перекупить документы у руководства бюро, – предложил борец за чистоту белой расы. – Или возьмём во временное пользование. Я видел в городе несколько копировальных центров...

– Что за ерунду ты мелешь? – с отвращением прервала Декса мисс Голдэнтач. – Документы из чёртова ГЛОКА уже ушли, неужели это нужно объяснять? Ни этот, как его... Новьицкофф... Новьинок... Короче, ни человек, что выкрал их из архива, ни тем более заказчик похищения не заинтересованы, чтоб информация о чертежах выплыла наружу. Я уверена – в чертёжном бюро от них не осталось даже следов. В том числе на цифровых носителях. Ясно же, что после ночной стрельбы в ГЛОК нагрянет целая свора копов. Или как они здесь называются. Кей-Джи-Би?

– Милиция, мэм, – подсказал Марк.

Сильвия искоса взглянула на него и проскрежетала:

– Теперь ваши соображения, мистер эрудит.

Больше всего на свете Марку хотелось забросить ногу на ногу и презрительно процедить: «Если бы ты, вздорная баба, с самого начала послушалась меня, то все проблемы были бы уже решены. А мы спокойно готовились бы к посадке в самолёт».

Разумеется, то были всего лишь мечты. Он встал и проговорил:

– Я вижу два пути, по которым имеет смысл двигаться. Первый – новая встреча с архивариусом, господином Новицким. Надеюсь, он успел вернуться с лесной прогулки, которую мы для него организовали... – Марк едва сдержал желание подпустить в голос яда. – И успел забрать документы из ГЛОКа. Ещё до прихода туда сыщиков. Нужно попытаться выторговать у него бумаги.

– Он сейчас крепко напуган и обязательно начнёт упрямиться, – заявил Декстер.

– Ну так нагоним на него страху больше прежнего! Наши друзья из милиции (Фишер кивнул Тиму и Киру, те ответили улыбками) продемонстрируют свои удостоверения, а при необходимости и табельное оружие. У россиян страх перед органами правопорядка в крови. Уверен, Новицкий сразу сделается покладистым. После этого вопрос останется лишь один – столкнуться в сумме.

– Хорошо, – сказала мисс Голдэнтач. – Здравое и не лишено рационального зерна. Ну а второй путь?

«Ещё бы ты не подтвердила, что это хорошо», – злорадно подумал Марк, который всего-навсего пересказал идеи, высказанные десять минут назад Дядюшкой Джи.

– Второй путь менее надёжный. Да и рациональности в нём минимум. Я бы оставил его про запас, на случай непредвиденного развития событий.

– Живее, Фишер. Мы жаждались.

– Попробуем разыскать того парня, который бегал от меня голышом в ГЛОКе.

– Почему вы думаете, что он как-то связан с нашим делом? – опять сунулся Декстер. – Может, он бойфренд охранника, как предполагала мисс Голдэнтач? И ещё, в том здании, если мне не изменяет память, располагается около десятка организаций. Вдруг это член какого-нибудь клуба нудистов?

– Всё верно, – согласился Фишер. – Но есть у меня ощущение, что этот нудист находился там неспроста.

– Кроме того, он мог видеть и запомнить наши лица, – сказала Сильвия. – А это мне вовсе не нравится. Было бы крайне полезно, если время до окончания нашей операции этот юноша провёл в каком-нибудь помещении. Надёжно запертом снаружи.

– Вот именно, – подхватил Марк, чью физиономию любитель расхаживать нагишом видел абсолютно точно. – С другой стороны, это будет киднеппинг, мэм...

– Да и чёрт с ним. Рисковать, так по-крупному. Вариант номер один принимаем за основной, – решила мисс Голдентач. – Тем более, он полностью совпадает с моим. Собирайтесь, господа. Мы отправляемся на встречу с архивариусом.

– Господи Иисусе, мэм! – не удержался-таки Марк. – Вы мне до крайности напоминаете русских.

– Это чем же?

– Они тоже сначала создают себе кучу проблем, а потом героически их преодолевают.

Сильвия усмехнулась, сунула руки в карманы и пошла к выходу.

* * *

Надо заметить, Марк Фишер стоял у самых истоков эпопеи с поездкой в Императрицын за дурацкими чертежами заводных букашек. Именно он нашёл в книжном магазине, где работала его гёрлфренд Патриция, альбом с изображениями русских игрушек. Вернее, в альбоме имелось лишь несколько фотографий скверного качества да выполненный пером эскиз – схема движения членистой ноги. Марк за каким-то дьяволом показал альбом Патриции. Та разохлась: «Ой, какая прелесть! Мой дядюшка обожает такие вещицы! Мы просто обязаны показать эти рисунки ему!».

Когда выяснилось, что дядюшкой скромной продавщицы является ни кто иной, как сам мистер Джи (он же Луизианский Лев или, коротко, ЛЛ) – миллионер, сенатор, сумасброд, плейбой и по слухам куклуксклановец, у Фишера чуть не случился сердечный приступ. Он всегда старался держаться подальше от сильных мира сего. Это гарантировало спокойную жизнь, которую Марк ценил превыше всего. (За исключением, быть может, спокойной и обеспеченной жизни.) А тут на тебе!

Однако делать было нечего. Марк надел самые лучшие брюки, самый дорогой свитер, самые новые мокасины, очки в золотой оправе и отправился на растерзание Луизианскому Льву.

Лев, однако, оказался хищником благодушным и демократичным. Он принял племянницу с ухажёром в саду, сам подливал обоим сок и вино, беззлобно подшучивал над Патрицией, называя её невестой, и над Марком, называя женихом, – словом, вёл себя как обычный человек. Альбом мистер Джи рассматривал с неподдельным интересом, а когда увидел фотографии русских механических жуков, пришёл в настоящий восторг. Выяснилось, что его тайной страстью были старинные заводные игрушки. На коллекцию подобных безделиц великий и ужасный Луизианский Лев, скандально известный лоббированием военной промышленности и другими не менее серьёзными делами, просадил целое состояние.

– Найди мне этих букашек, парень, и я положу Патриции такое приданое, что вы сможете легко выкупить ваш обожаемый книжный магазин.

– Да где же я их возьму? – вяло отбивался Фишер.

– Подумай. Ты же умница, Марк! О твоём IQ, высочайшем по эту сторону океана, Пэт мне все уши прожужжала.

– Ну, хорошо, – согласился наконец сломленный напором сенатора Марк. – Я попробую.

– Вот это деловой разговор! Попробуй, парень. И ещё... не называй меня больше мистером. Зови дядюшкой.

Всемирный интернет-аукцион «Е-Bay» – великая вещь. Там можно найти и приобрести буквально всё – за исключением разве что совести. К счастью, Дядюшку Джи она не интересовала.

Уже первый день поисков принёс успех. В частной французской коллекции хранилась бабочка (увы, с невозстановимо испорченным механизмом), которая была немедленно выкуплена Дядюшкой Жи. Других насекомых обнаружить не удалось, зато нашёлся интересный лот: «пакет чертежей механических кукол заводчика Скотинина». Продавец выступал анонимно, но по некоторым мелочам можно было догадаться, что тот из Раши. Фишер связался с ним и получил плохонький скан нескольких чертежей. Увидев их, ЛЛ расцеловал в обе щеки смущенного таким проявлением радости Марка и заявил:

– Ты поедешь туда и привезёшь мне эти бумаги, парень. Не протестуй. Во-первых, я дам помощника, который проломит любые стены. Даже двух помощников. Тебе останется только дожидаться, пока осядет пыль, и войти куда нужно. Во-вторых, получишь столько средств, сколько потребуется. Деньги, техника – что угодно. В-третьих, юридическую поддержку будет осуществлять солидный адвокат. Кстати, твой единоведец.

– Я атеист, – поспешил сообщить Марк.

– Коэн тоже, – усмехнулся Дядюшка Жи. – И, в-четвёртых, кому ехать, как не тебе? Ты ведь родился в Рахе, знаешь этих russkis как облупленных.

Разумеется, всё вышло совсем не так, как обещал Дядюшка Жи. Помощник, которым оказалась железная мисс Голдэнтэч, на деле стал руководителем операции. Притом руководителем деспотического типа. Адвокат Коэн, на которого Фишер возлагал большие надежды, ограничился тем, что нашёл для гостей из США жильё, автомобили, оргтехнику, «бычков» Тимофея и Кирилла да передал большой металлический чемодан. Каков же был ужас Марка, когда в чемодане обнаружился целый оружейный арсенал!

– Мы что, намереваемся захватить здешнюю атомную электростанцию? – пролепетал он, получив из рук Сильвии «Пустынного Орла».

– Если потребуется, то да, – без улыбки проговорила она под восторженный хохот Декса.

Затем была крайне неудачная поездка к господину Новицкому, архивариусу, выставившему на «Е-Вау» чертежи механических букашек. Проклятый russki даже не впустил их в подъезд. Переговоры пришлось вести по домофону. И надо сказать, переговоры завершились ничем.

– У меня нет никаких чертежей! – заявил Новицкий. – Вообще не понимаю, о чём речь.

– О вашем лоте на «Е-Вау», – терпеливо пояснил Марк. – Помните, мы с вами переписывались? Повторяю, моя фамилия Фишер, я из США. Я готов выкупить у вас пакет технической документации на «механических кукол заводчика Скотинина». Откройте дверь, господин Новицкий. Обещаю, сумма вам понравится.

Повисла долгая пауза, затем Новицкий устало сказал:

– Уходите, мистер Фишер, иначе мне придётся вызвать службу безопасности. Я являюсь сотрудником государственного архива. Понимаете, Государственного! Ни о какой продаже архивных документов не может быть речи. Сожалею, но, похоже, кто-то ввёл вас в заблуждение. Прощайте.

Домофон, пискнув, отключился. Марк яростно выругался.

– В чём проблема? – осведомилась Сильвия.

– Этот негодяй отказался от сделки. Грозит вызвать охрану, если не отстанем.

– Что ж, тем хуже для него. Не желает добром, придётся использовать силу.

Взяли Новицкого, на выходе из супермаркета. Тим и Кир умело подхватили обременённого двумя туго набитыми пакетами архивариуса и зашвырнули в додж. Новицкий и пискнуть не успел.

Переговоры состоялись за городом, в красивом берёзовом лесу. Тим и Кир держали напуганного архивариуса под руки, а мисс Голдэнтэч прохаживалась перед ним, поигрывая «Глоком». Кто мог предположить, что Сильвия при этом ненамеренно каламбурила, и фирма, о которой пойдёт дальнейшая речь, будет иметь то же наименование, что и пистолет?

У Новицкого было лицо пассивного педераста с родинкой подле носа, жидковатые светлые волосы и затянутая в тренировочный костюм бабья фигура. На вид ему было лет тридцать – тридцать пять.

– Позвольте представиться ещё раз, – с ангельской улыбкой сказал Марк. – Меня зовут Фишер, я прилетел из Соединённых Штатов, чтобы выкупить у вас документы, о которых мы договаривались через сетевой аукцион «Е-Bay». Как видите, помимо меня за документами приехала эта суровая леди и вон тот джентльмен.

Марк кивнул на Декстера, который флегматично стругал палочку ножом жуткого вида. Господин Новицкий узрел нож и икнул.

– Сомнительное удовольствие познакомиться с ними вы испытаете позже, – утешил его Марк. – И то лишь в случае, если не придёте к соглашению со мной.

– Но я... я не могу...

– Ай-ай-ай! – Марк укоризненно покачал пальчиком. – Бросьте, господин Новицкий. Мы ведь не шутим.

– Я понял. Но и впрямь не могу отдать вам эти бумаги. Понимаете, в архиве их больше нет.

– Что?!

– Нету. Я их уже продал. Вернее, дал попользоваться. Продавать насовсем слишком опасно. С них до сих пор не снят гриф секретности. А тут нашёлся коллекционер, который выложил приличную сумму за то, чтобы я просто передал документы в чертёжное бюро. Временно. Там их отсканируют, переведут в электронную форму, сделают трёхмерные модели на компьютере... что-то в этом роде. Затем вернут мне, я положу папку обратно в хранилище, и всё закончится.

– Тогда какого дьявола вы морочили голову мне?

– Ну, тогда ещё не было других предложений. А я безумно нуждался в деньгах.

– Вы кретин, Новицкий, – проговорил Марк с ненавистью. – Жадный кретин. Впрочем, это ваши проблемы. Придётся вам забрать документы из бюро и передать нам. Плата останется такой, как обещано. За вычетом кое-каких непредвиденных расходов.

– Это невозможно, – сказал Новицкий, и глаза его увлажнились, а губы искривила страдальческая гримаса.

– Отчего? Неужели чертёжное бюро охраняется ротой спецназа КГБ? – Фишер прямо-таки сочился ядом. Грёбанный архивариус надоед ему до чёртиков.

– За мной следят люди коллекционера. Они обещали – если что-то пойдёт не так, пострадает мой друг!

– А точнее говоря, любовник?

Новицкий кивнул. Слезы у него уже докатились до подбородка.

– У него уже были проблемы с наркотиками. Задерживали за хранение. Сейчас пришьют распространение – и всё!

– Да вы в настоящей заднице, товарищ, – сделал вывод Марк. – Я бы на вашем месте драпал отсюда сломя голову.

– Я не могу бросить Витю...

Марк в сердцах сплюнул. Ситуация напоминала какую-то бредовую постановку провинциального театра. Любовные страсти, шпионские страсти, криминальное противостояние коллекционеров – каша, да и только. К сожалению, в кашу эту увяз он сам. Как минимум по пояс.

Фишер подошёл к Сильвии и пересказал слова Новицкого. Мисс Голдэнтач восприняла информацию на удивление спокойно. Её основным делом в этой жизни было решение любых проблем, а не стоны над их неразрешимостью.

– Узнайте у него адрес бюро. Возьмём чертежи сами. Сегодня же.

– А как поступим с самим Новицким? Думаю, стоит покамест запереть в подвал.

- Это плохая идея. Не хватало мне ещё сесть на электрический стул за киднеппинг.
- В Раше смертная казнь отменена, мэ. Максимум, что грозит – пожизненное заключение.
- О! Вы меня, безусловно, успокоили, Фишер. Скажите бойцам, пусть оставят этого любителя мальчишек здесь. Только заберите у него телефон, шнурки, ремень и срежьте пуговицы на брюках. Пока доберётся до города, мы как раз успеем завершить дельце.

* * *

И вот теперь всё нужно начинать с нуля! Снова отлавливать Новицкого, снова пытаться убедить его передать документы. Только условия для диалога куда менее благоприятны, чем сутки назад.

В квартире архивариуса не оказалось. Потолковавшие с консьержем «бычки» сообщили, что Новицкий вернулся домой около одиннадцати вечера (как раз в это время команда мисс Голдэнтач штурмовала ГЛЮК), а спустя час или полтора поспешно куда-то отбыл на такси. Один. Больше не возвращался. Где живёт сердечный друг Новицкого, консьерж не знал.

Поехали к городскому архиву. Архив располагался в том же здании, что и городское Управление Внутренних Дел, и это соседство нервировало Марка до крайности. Тем не менее, в этот раз сопровождать Тима и Кира пришлось ему. Фишер взял с собой портфель, придал лицу выражение озабоченности, ссутулился и посеменил за «бычками».

К счастью, вход в архив был отдельный, на задах твердыни правопорядка. Пост охраны (скусающая старушка с вязаньем) миновали на удивление легко. Кир извлёк свои волшебные «корочки», старушка, не отрывая взгляда от спиц, мотнула головой:

– Идите-идите, ваши уже там.

У Марка ёкнуло сердце.

– Какие ещё «ваши»? – шепотом спросил он. – Милиция?

– Да ты не грузись, мистер. Щас всё выясним, – беззаботно пообещал Кир и устремился в глубь здания.

Марк придержал за рукав Тима.

– Я на всякий случай подожду здесь. Если всё спокойно, позовёте.

– Ага! – пообещал тот и бросился догонять приятеля.

Фишер окинул взглядом сумрачный холл. Вдоль одной стены стояли низенькие скамеечки с сидениями, обитыми вытертым плюшем. Как, бишь, их называют в Раше? Козетки? Оттоманки? Он присел на одну – так, чтобы оказаться скрытым колонной – и поставил портфель на колени.

– А вы кто будете?

– Что? Вы это мне? – Марк вздрогнул от неожиданности и, наклонившись влево, установился на старушку.

– Ну а кому? Больше здесь никого нету.

– И верно! – Фишер хихикнул – Я... по архивной части. Кое-какие документы посмотреть нужно.

– Адвокат, небось?

– В какой-то мере да. А как вы догадались?

– Так чего тут гадать. Если еврейчик с портфелем, значит или адвокат, или банкир. Ну, или профессор. Вы ж народ-то башковитый. Вот. Банкиру здесь делать нечего. Профессор в сопровождении милиции не ходит. Стало быть, адвокат.

– Логично, – как можно более сухо сказал Марк. Слово «еврейчик» ему категорически не понравилось. Даже по соседству с определением собственного народа как башковитого.

– Можно было и ещё проще догадаться, – добавила старуха, ободрённая признанием собственной догадливости. – Раз есть труп, то должен быть и адвокат. Хотя с другой стороны, мертвецу он, вроде как, и не нужен.

– К-какому мертвецу? – пролепетал Марк.

Ответила не старуха.

– Господину Новицкому, – произнёс у него над головой сильный и красивый мужской голос. – Ныне покойному.

Фишер выпрямился (он так до сих пор и сидел, наклонившись, чтобы видеть из-за колонны привратницу) и посмотрел вверх. Увиденное его совсем не обрадовало. Рядом стоял высокий, стройный и очень широкоплечий офицер милиции. У него было привлекательное мужественное лицо, стрижка ёжиком и отчасти диссонирующие с молодцеватым обликом оттопыренные уши.

– Капитан Иванов, – представился он. – А вы, как я понимаю, адвокат Новицкого?

– Готовился стать его адвокатом, – сказал Марк. Мозги у него наконец-то заработали как следует, а вместе с этим пришло спокойствие. – Контракт ещё не заключен, мы намеревались прежде обсудить нюансы дела.

– Какого дела?

– Простите, господин капитан, но сказать этого вам я не могу.

– Но представиться-то можете?

– Безусловно, – сказал Марк и вручил офицеру одну из визитных карточек, подготовленных для него в агентстве Коэна. – Так что всё-таки случилось?

– Если не вдаваться в подробности – ваш несостоявшийся клиент мёртв.

– Убит?

– Откуда такой поспешный вывод, господин... – Иванов взглянул на карточку, – ...Господин Фишер?

– Догадаться просто. Насколько мне известно, органы не занимаются расследованием естественных смертей.

– Чем нам только не приходится заниматься, – протянул капитан. – Впрочем, вы правы. Некоторые факты показывают, что Новицкий умер насильственной смертью.

– Неужели это произошло в архиве?

Капитан кивнул.

– Тогда почему здесь так спокойно? Почему меня вообще сюда впустили? Ничего не понимаю.

– На месте преступления (кивок в сторону коридора) работает следственная бригада. А здесь нахожусь я и уважаемая Генриетта Карловна. (Кивок в направлении старухи с вязанием.) Этого вполне достаточно, чтоб отсекал лишних посетителей и пропускать подозреваемых. Не хватало нам ещё скандала. Только представьте, что начнётся, если о происшествии разнюхают журналисты. «В здании губернского УВД найден труп!» Кошмар.

– Погодите, что значит «пропускать подозреваемых»? Вы меня имеете в виду?

– Господин Фишер, ну что за наивные вопросы. Козе понятно... Простите, совершенно очевидно, что вы, так или иначе, причастны к этому делу.

– Это вам сейчас очевидно. А когда я входил?

– Для таких случаев здесь и посажена Генриетта Карловна. У неё, знаете ли, нюх. Ветеран органов внутренних дел. Практически легенда. Сорок пять беспорочных лет на боевом посту. Настоящий человек-рентген. Криминальные элементы, агенты влияния, предатели, шпионы – никто не проскользнёт незамеченным.

Марку показалось, что при слове «шпионы» капитан подмигнул.

– Ваши шутки неуместны, – холодно сказал он. – А сейчас разрешите мне уйти. Если появится необходимость связаться, координаты имеются на визитке. Но боюсь, я ничем не смогу помочь следствию.

– Ну конечно, идите. Только ответьте на последний вопрос. Кто эти два молодых человека, которые вас сопровождали?

– Ваши коллеги. Выполняют для нашего агентства некоторые поручения. С их руководством это полностью согласовано. А сейчас прощайте.

– Всего хорошего, господин Фишер, – сказал капитан. И добавил с преувеличенной выразительностью: – До свидания.

Проходя мимо Генриетты Карловны, Марк был поражён неопишуемой позой старухи. Ветеран органов вытянулась в струнку, будто изо всех сил пыталась встать со стула, но намертво прилипшее седалище не позволяло сместиться хоть на дюйм. Морщинистое лицо налилось кровью, шея напряглась так, что едва не рвалась кожа. Глаза остекленели, тонкие губы приоткрылись, демонстрируя два ряда металлических зубов. Она была абсолютно неподвижна – как статуя – и лишь по-паучьи двигались пальцы, продолжающие вязать красно-белый шарф...

* * *

Не успел Марк толком рассказать Сильвии и Декстеру о происшествии в архиве, как вернулись «бычки». Тим курил, а Кир по плечи просунулся в опущенное окно седана и возбуждённо заговорил:

– Короче, переводи мамочке. Мы в траблах по самое не балуйся. Нашего педика удавили прямо в собственном кабинете. А перед этим пытали. Кровищи – как на скотобойне. Резали специалисты: умер дядечка не от кровопотери, а от удушения. Но самое смешное – в архиве кроме него никого не было. Вообще. Полная Агата Кристи, блин! Вчера вечером ушли все, это точно. Новицкий заявился сранья, в четыре с копейками. Принёс тяжёлый пакет. По виду, с бумагами. Охраннику сказал, что появилась срочная работа. Обнаружил его начальник, когда пришёл к началу смены. В восемь ноль-ноль. Уже холодненького. Ночного сторожа следки уволокли допрашивать. Только там, по ходу, глушняк. Пацан, с которым мы пообщались, говорит, что вохровец сам офигел. Вход-то в архив всего один, а окон нету. Вернее, есть в фойе, но все они заперты изнутри. Эксперты уже проверили задвижки, оказалось, к ним годы никто не прикасался. В самом архиве есть десяток вентиляционных шахт по типу дымовой трубы, но они очень узкие. Да и зарешечены. Там, короче, и кошка не пролезет. Откуда взялся киллер и куда исчез – тайна.

– Что с документами? – почти выкрикнул Марк.

– С документами, короче, ваще борода. То ли сам Новицкий, то ли его убийцы спустили все чертежи в измельчитель бумаг. Сейчас там пустые папки и куча серпантина.

– Мэм, – заговорил Марк. – Кир говорит...

– Не трудитесь для перевода, Фишер, – перебила та по-русски. – Основное я поняла.

– Хорошо, – сказал Кир. – Ну, тогда вот ещё что, мисс. Мы, короче, с Тимохой хотим сказать вам гудбай. Какие-то дела пошли больно гнилые.

– Вас Иванов запугал? – спросил Марк.

– Какой ещё, на хрен, Иванов? – удивился Кир.

– Капитан милиции. Высокий, плечистый. Он дежурил в холле архива.

– В холле никого не было. Одна старуха Генриетта. Да там никто и не нужен, честно говоря. Когда эта крыса на посту, мимо муха не пролетит.

– Твою же мать! – сказал Марк.

– Если останетесь, я удвою вам жалованье денег, – сказала мисс Голдэнтач.

– Ладно, подумаем, – сказал Кир.

Глава 5

Павел

Полуденный город был как иллюстрация к детской книжке – светлый и весёлый. Даже не верилось, что где-то здесь разъезжают машины с иностранными штурмовиками, оживают по ночам глиняные статуи и заспиртованные люди-змеи, и невозбранно шляются мелкие бесы.

Один из них сейчас сидел у меня за пазухой, только морда наружу, и отчаянно страдал. Из-за внезапного появления в подвале шефа Жерару пришлось экстренно прятать iPod у старца Гоу Лема под сидением. А поскольку терракотовый шахматист порядочно увесист, твёрд и шершав, судьба девайса представлялась бесу незавидной.

Вдоволь наскулившись, псина сделал вид, что лижет меня в подбородок и умоляюще зашептал:

– Чувачок, ну вернись в «Серендиб». Забери мой плеер, мою прелес-с-сть, а? Скажешь Сулейману, дескать, забыл в подвале важную вещь. Век буду благодарен. Два, три века – мы долго живём!

– Что я там мог забыть? Точилку для карандашей?

– Ну... – замялся Жерар, – ...Кошелёк или очки.

– Очков, как ты мог заметить, не ношу.

– А противосолнечные?

Я был неумолим:

– Противосолнечных тоже. А кошелёк шеф видел за завтраком, когда я складывал премиальные. Так что не пойдёт. Рисковать из-за какой-то безделицы, да ещё второй раз подряд? Уволь. К тому же, помнится, я предлагал спрятать iPod перед визитом в контору. Сам отказался. Теперь пожинай плоды упрямства.

– В мусорном баке, – с обидой напомнил Жерар. – Ты предлагал спрятать мою прелес-с-сть в мусорном баке! Нет уж, пусть лучше её раздавит глиняный палач, чем присвоит какой-нибудь бомж.

– За что такая нелюбовь к бомжам, пёсик?

– Паша, если бы ты пожил на свалке с моё, сейчас бы по ночам не сквозь стены лазал, а с такенным вот свинорезом охотился на этих уродов, – сказал терьер совершенно серьёзно.

Его можно было понять. Он и впрямь, едва прибыв в наш мир, досыта натерпелся людской злобы. Так получилось, что главными гонителями юного Жерара были не столько священники, сколько беспризорники да клошары. А Гавроши – они только в книгах прекрасные ребята. На самом же деле не приведи господь встретиться с таким пареньком в тёмном переулке. Особенно если ты – крошечная одинокая собачонка.

Я ласково потрепал Жерара по голове.

– Забей, приятель. На сегодняшние премиальные легко сможешь купить новенький iPhone. А это много круче любого плеера. В нем уже загружены игры, детальная карта Императрицына и окрестностей, а главное – цветные фотки левреток в соблазнительных позах!

Бес возмущённо тявкнул и укусил меня за мочку уха.

Дальше он шёл пешком.

* * *

В маршрутку садиться я не стал. Во-первых, погода хорошая, отравляющего воздуха транспорта в этом районе не густо, так отчего не прогуляться? А во-вторых, нарочно. Пускай

кусачая скотинка почувствует, каково это – семенить на лапках-коротышках семь километров. И все семь – в горку.

Уже через полчаса кусачая скотинка заметно утомился, но виду не показывал. Гордо бежал в нескольких шагах передо мной, и только всё чаще происходящая потеря скорости выдавала его усталость. Но он мужественно ускорился и вновь был удалец.

Захваченный наблюдением за героической борьбой терьера с собственными физическими недостатками, я совершенно выпустил из внимания маршрут. И напрасно! Мстительный негодник увлёк меня по крайне опасному пути. Главная его опасность заключалась вовсе не в обилии открытых канализационных люков, валяющихся под ногами проводов под напряжением или беспределе уличных банд. О, нет! – всего лишь в симпатичном магазинчике английской одежды «Five-O'clock». Вернее, в хозяйке магазина.

Понимание этого произошло довольно скоро и стало по-настоящему ужасным.

– Поль! – Моё имя было произнесено чувственным контральто. – Ты давно не показывался, проказник. Твоя кошечка истосковалась...

Жерар обернул ко мне торжествующую морду, показал язык и с визгом бросился к «моей кошечке». Это была стройная, с переходом в поджарость, моложавая дама. У неё было холёное узкое лицо, яркий рот и пламенная рыжая шевелюра. Звали её Дарья. При взгляде на неё создавалось неодолимое ощущение, что видишь щуку в человеческом обличье. Зеленовато-чёрный брючный костюм только усиливал это чувство.

Состроив гримасу, долженствующую сообщать о моей безграничной радости, я поплёлся в объятия хищницы. Бес, перекочевавший уже даме на руки, веселился прямо-таки неприлично. Ну и гадёныш!

Дарья взяла меня тремя пальчиками за подбородок (пальчики оказались не по-женски сильными), привлекла к себе и, обдав запахом жасмина, поцеловала в губы.

– Если бы не знала, что ты в меня влюблён, решила бы, что избегаешь!

– Наша связь слишком опасна, – проблеял я, ощущая себя карасиком в щучьих зубах. Эта стерва обладала поразительным умением начисто лишать меня душевной твёрдости. Может, она вампириша? – Ваш муж...

– Наш муж ничего не узнает, – промурлыкала щучка. – Он в отъезде. Инспектирует свои заводы и вернётся не скоро. Поэтому давай-ка проведём сегодняшний вечер вдвоём!

– Заманчиво, – пробормотал я, кляня собственную бесхребетность. – И какие у нас планы?

– Готова выслушать твои предложения, мой выдумщик!

Я панически перебирал в голове варианты, но ни один не казался достаточно безопасным. Каждый мог завершиться в объятиях проклятой вампириши, а это, скажу я вам, то ещё блаженство. И вдруг!.. Я чуть не заорал от восторга.

– Хочу на концерт!

– На концерт?.. На какой концерт, шалунишка?

Мне впервые представилась возможность увидеть озадаченную щучку. Однако я не собирался останавливаться на достигнутом.

– На этот! – Я протянул указующий перст к тумбе объявлений.

– «Русское Поле Революций»? Но это же рок! Панк-рок... – Дарья окончательно растерялась. Наверно, такой вид имеет настоящая щука, понявшая, что схватила не живую рыбёшку, а железную блесну. Или вампириша, глотнувшая вместо крови коктейль из томатного сока с тёртым чесноком.

– Вот именно, – сказал я. – Моя любимая группа. Единственный концерт. Никогда себе не прощу, если не побываю.

– Хорошо, – ответила она после долгой паузы. – Рок, так рок. Сегодня ты узнаешь, как умеют отрываться панки старой закалки, с молоком матери... то есть портвейном «777» впи-

тавшие бунтарский дух «Секс Пистолз». – Она вручила мне притихшего Жерара. – Билеты куплю сама. До вечера, меломан!

* * *

Дома я первым делом забрался в ванну. Хотя после каждой транспозиции пару-тройку суток и чувствуешь себя отмытым до скрипа, но хорошую горячую ванну с горой душистой пены принять всё равно хочется. Неизвестно ведь, какую дрянь добавляли в строительный раствор и какое сырьё использовали для кирпичей. Вот дерево – другое дело! Душевный материал.

Я лежал, прикрыв глаза, и старался не думать ни о чём. Проигрыватель в изголовье услаждал слух звуками природы – щебетанием птиц, шелестом листвы, журчаньем реки и еле слышным звоном колокольчиков. Жерар сперва гремел посудой на кухне, потом переместился в комнату – там забормотал телевизор. После того, как бывший друг и напарник Убеев вероломно оставил Жерара без жилья и покровительства, терьер перебрался ко мне. Проблем это соседство подкинуло прилично, но зато избавило меня от одиночества. Плата, по-моему, адекватная. Особенно если учесть, что бес он не самой высокой пробы (строго говоря, одно название), а товарищ – хороший. Настоящий.

Меня уже мало-помалу начала одолевать дремота, когда в дверь позвонили. Торопливо обтершись, я надел халат и пошёл открывать.

За дверью стояла Зарина. Ещё недавно она была прелестной крохой годиков семи, отрадой глаз Сулеймана Маймуновича. Да и не одного его. Я тоже любил малышку братской любовью, баловал подарками и сладостями, лишь иногда жалея, что никогда не увижу её в облике девушки. Зарина много лет назад была зачарована, чтобы вечно оставаться ребёнком. Восточная хитрость старого ифрита. Однако случилось так, что Сулейману пришлось-таки её расколдовать. И Зарина изменилась. Буквально за одну ночь превратилась в очаровательное создание, счастливо замершее на порубежном возрасте между подростком и девушкой. Этакая девочка из аниме: огромные детские глаза, свеженькие щёчки и ушки, аккуратные носик и ротик, тоненькая фигурка – и вполне явственные, притом крайне соблазнительные округлости там, где следует. Не знаю я её повадок (и настоящего возраста), влюбился бы обязательно. И, вероятней всего, жестоко за это поплатился. Зарина – стервочка похлеще рыжей Дарьи.

Сегодня на ней были коротюсенькие джинсовые шорты едва до середины попки, розовый топ, открывающий животик с крошечным золотым скорпионом в пупке, какой-то невообразимый пуховый жакет, состоящий из одних рукавов, беленькие носочки и беленькие кроссовки на толстой подошве. Блестящие чёрные волосы частью торчали во все стороны перьями, частью были завиты в тоненькие восточные косички. Она улыбалась.

– Привет! – сказал я, внезапно ощутил, что под халатом у меня ничего нет, и отступил в сторону. – Входи.

Входить она не торопилась. Без смущения, явно напоказ заглянула в вырез халата (я спешно сложил руки на груди), после чего хихикнула и чмокнула меня в щёку.

– Привет-привет, Пашенька. Купался?

– Нет, кружевные салфетки вязал, – сообщил я. – Аж вспотел от усердия. А ты чего в таком виде разгуливаешь? С маньяками давно не встречалась?

– Ну почему же давно? Только на днях пару джигитов в больницу спровадила.

Я вспомнил шумную историю с двумя гастарбайтерами, которых якобы оскопила банда женщин-скинхедов, и усмехнулся:

– Так эта уличная кастрация – твоя работа? Ну, поздравляю.

– Её, её, – протявкал Жерар. – Нашли, с кем связаться, бараны. Легко ещё отделались. Салют, девочка!

– Салют, пушистик! Не обижает тебя этот блюститель нравственности?

Жерар махнул лапкой.

– Да как сказать...

– Говори как есть, блохастый, – велел я.

– У нас равный счёт, – признался он.

– С чем пожаловала, юная мстительница? – спросил я, ведя Зарину под локоток на кухню.

– Просто в гости, – с обезоруживающей улыбкой ответила она. – И посмотри, как удачно!

Не каждый день увидишь мужчину своих мечтаний в таком миленьком виде.

Она игриво подмигнула, а затем ущипнула меня пониже спины, вогнав-таки в краску.

«Вот паршивка!» – подумал я, велел Жерару включать чайник, а сам помчался одеваться.

Напоив Зарину чаем с земляничным вареньем, мы приступили к расспросам уже всерьёз.

Не настолько я наивен, чтоб думать, что она и впрямь пришла только для того, чтоб хватать меня за задницу. Девочка ещё немного пошутила, постреляла глазками, посверкала зубками, повыпячивала грудь, но видя, что я бесстрастен, призналась:

– Старикан велел передать, чтоб вы посидели денёк-другой дома. Того дядьку, который спёр документы из архива... Вы ведь понимаете, о каких документах речь?

Мы слаженно кивнули.

– Так вот, его сегодня ночью убили. Очень нехорошо убили, после пыток. А сами документы уничтожили. Кто – неизвестно.

– С нашим клиентом Сул об этом разговаривал? – спросил Жерар.

– Да. Клиент божился, что не при делах. Только почему-то сразу после разговора с Сулейманом метнулся на аэродром и улетел.

– Куда?

– Без понятия.

– Чертежи забрал?

– Ага. Шеф в гневе. Собрался лететь вдогонку и поспрашивать по-настоящему. Уже, наверное, умчался. Так что присматривать за вами сейчас некому. В принципе, старикан намекнул, что не будет возражать, если эти несколько дней у вас поживу я.

– Отлично! – твякнул Жерар. – Я за.

– Зато я против.

– Почему? – огорчилась Зарина. – Разве я тебе не нравлюсь?

– Нравишься, – признался я. – Именно поэтому.

– Странная логика. А может, ты голубенький, Пашенька?

– Нет, Зариночка, не голубенький. Просто с малолетками не связываюсь.

– Надо ещё разобраться, кто тут малолетка, – проговорила она с иронией, но глаза у неё потемнели. – Ну да ладно, дело хозяйское. Только учти, рано или поздно мне надоест хранить целомудрие для тебя, и я ударюсь в распутство. Хочешь стать причиной моего морального падения?

Ещё мгновение, и эта чертовка добилась бы своего. Я уже готов был сдаться – и будь что будет!.. Но в этот момент загудел телефон. Звонила щучка.

Зарина услышала в трубке женский голос, одарила меня презрительным взглядом, и ушла. Не прощаясь.

* * *

Настроение у Дарьи было превосходным. Она разошлась, как никогда раньше. Шутила напропалую, смеялась, выдумывала прямо на ходу какие-то нелепицы. Почти не употребляла по отношению ко мне обычных своих «безобразников» и «шалунишек». Словом, вела себя, не как щучка – пожирательница мужчин, а как обычная женщина. Кажется, она была малость навеселе.

– ...До касс добралась без приключений. Разве что разлила по дороге бутылку шампанского, отняла у отставного артиллериста с ноутбуком две контрамарки в цирк да продвинула перспективного молодого автора в престижное издательство, – заливалась Дарья. – Но это пустяки, не относящиеся к делу. Увы, в кассах случилась маленькая неприятность. В филармонии, куда мы с тобой собирались, была кровопролитная давка. Рвущиеся за билетами меломаны не считались со своей жизнью и ещё меньше с чужими. «ОМОН» и пожарные с водомётами лютовали. Голодное вороньё на крышах нетерпеливо орало. Будучи добра к людям, я не стала усугублять ситуацию. Вместо билетов на струнный концерт взяла у смирного интеллигентного распространителя с ангельской внешностью билеты на Игоря Годова и группу «Русское Поле Революций». О чём и сообщаю тебе с радостью!

Портить настроение счастливой женщине – занятие гадкое. Я запыхтел, запokaшливал и наконец пробормотал:

– Знаете, Дарья, тут такое дело... Кажется, я не смогу пойти...

– Почему? – спросила она грустно. – Стесняешься моего возраста? Не переживай, я буду вести себя скромно. Как старшая сестра.

Это было невероятно! Я ждал чего угодно – истерики, оскорблений, командирских выкриков. Я готовился сражаться с атакующим противником. Но печальная кротость меня сразила.

– Хорошо, – сказал я. – Где встречаемся?

– Заеду сама, – пообещала Дарья.

Я положил трубку. Жерар смотрел на меня полным сочувствия взглядом.

– Ты рехнулся, чувачок, – тихо сказал он. – Ты просто рехнулся.

Ничего не ответив, я налил себе остывшего чая и стал медленно пить, глядя в окно. Наверное, бес был прав. Наверное, я идиот. Ну и пусть. Зато не окончательный подонок.

* * *

Концерт проходил в клубе «Точка», что в одном здании с Театром музыкальной комедии. Это меня сразу насторожило – и, как оказалось, не зря. Ещё на дальних подступах к месту сейшна несколько юных поклонниц оперетты в бальных платьях с откровенностью одалисок предлагали каждому, кто откажется пойти на «Рупор», все радости жизни. А тому, кто всё же пойдёт, предрекали ужасы смерти. Поясняли тем, что Игорь Годов, лидер группы, объявил себя восставшим из могилы. Он и впрямь несколько лет назад умер и даже был похоронен. А сейчас вот ожил.

«Великолепный рекламный трюк», – заметила Дарья по этому поводу.

Она была хороша. Проклёпанная «косуха», чёрная майка с оскаленной харей какого-то чудовища, чёрные джинсы, «казаки» с окованными железом носами. Макияж в тёмных тонах, серьги с козлиными черепами, ногти под чёрным лаком. Словом, настоящая фанатка рока. Не то, что я – в обычной одежде, да ещё из-за отворота куртки выглядывает Жерар. Литл дэвилдог наотрез отказался отпускать меня одного. И вот теперь по его милости я выглядел дурак дураком. Юноша с собачкой. Тьфу!

Возле «Точки» народу было густо, все курили и хлебали алкоголь, и мы туда не торопились. Прогуливались туда-сюда, культурно беседуя. Вернее, болтала преимущественно шучка. Мы с Жераром помалкивали. Он по причине того, что собаки вообще-то не разговаривают, а я от застенчивости. Называть себя на «вы» Дарья запретила, а говорить «ты» тридцатипятилетней женщине я не решался. До бесконечности отмалчиваться было, конечно же, невозможно. Чтобы соблюсти хоть каплю приличия, я решил купить мороженое. Когда ешь эскимо, не до разговоров.

Возле тележки мороженщицы нас поймали телевизионщики. Бригаду возглавляла плотненькая, подвижная и довольно симпатичная корреспондентка.

– Молодой человек, – обратилась она ко мне, – можете ответить на несколько вопросов?

– Что ж, попробую, – сказал я. – Трудно отказать такой прелестной барышне.

Корреспондентка расцвела. Дарья демонстративно отвернулась. Жерар нагло уставился в камеру.

– Скажите, вы пришли на концерт «Рупора»?

– Совершенно верно.

– Замечательно! В таком случае, как думаете, Игорь Годов – настоящий? Мистифицировал свою смерть и скрывался всё это время где-нибудь в деревне? Или, – корреспондентка сделала «большие глаза», – действительно восстал из могилы?

– Уверен, он зомби, – понизив голос, проговорил я. – А концерт призван замаскировать жуткий обряд пополнения армии живых мертвецов. Всех зрителей умертвят с помощью яда, налитого в пиво клубного бара – вы же знаете, что проходить в «Точку» со своими напитками строго запрещено? – а потом поднимут и отправят на завоевание мира!

– О! – притворно ужаснулась корреспондентка. – А вас разве не пугает перспектива пополнить армию зомби?

– Ничуть. Более того, признаюсь, я как раз прибыл, чтобы положить конец этому кошмару. Смотрите, не проболтайте организаторам концерта!

– Обещаю! – расхохоталась корреспондентка. – Но пообещайте и вы, что первое интервью после победы дадите нашему каналу.

– Не просто каналу, а лично вам! – заявил я.

Продолжая хихикать, она увела свою команду допытываться у кого-то ещё про Годова и предстоящий концерт.

– Вижу, понравилась девочка? Со мной ты не такой говорливый, – укоризненно заметила Дарья.

– Ну... я же просто шутил.

– Я так и поняла. Ладно, доедай быстрее своё эскимо, шутник. И пойдём на прорыв. Толпа поредела.

На входе в «Точку» стояли суровые охранники с детекторами металла. Помимо билетов их интересовали колющие и режущие предметы, огнестрельное оружие, взрывчатка и полоний-210. А также спиртное. Наверное, собирали гуманитарные посылки для провинциальных скинхедов. У Дарьи оказалась с собой фляжка виски. Отдавать церберам тридцатилетний скотч она не захотела, пришлось совать откупные. Впрочем, на фоне цены коллекционного алкоголя это были гроши.

Дизайн клуба оказался миленьким, если не сказать домашним: повсюду ртутные лампы, красные фонари и прожекторы чёрного света. Готы были бы в восторге; я зевал.

Зато в углу концертного зала обнаружилось нечто интересное: страшненькая яма размерами примерно полтора на два метра и глубиной около семи футов. Яма была не огорожена, внизу валялась поломанная мебель и мятая обёрточная бумага в подозрительных пятнах.

– Туда сбрасывают трупы забитых панками гомосексов? – предположил я.

– Нет, это просто раздевалка, – сказала Дарья и нехорошо усмехнулась.

Жерар отвёл взгляд в сторону. Буду держаться подальше, решил я.

Перед концертом нам пришлось вынести получасовую пытку электронной музыкой и черно-белыми видеоклипами, а также табачным дымом. Я спросил у Дарьи, не запах ли мертвечины маскируют воскурения, вместо ответа она с хохотом предложила мне свою фляжку. Виски отдавал жжёной пробкой и прелым сеном. Видимо и в самом деле тридцатилетний.

Сидячие места имелись только вдоль стен, но были почти не заняты. Народ волновался и бестолково бродил по залу. Возле бара было пусто: цены там кусались. Я заметил в толпе давешнюю корреспондентку – уже без оператора, – и помахал ей рукой.

Она подошла к нам и, как любая женщина, тотчас запала на Жерара. Я великодушно разрешил его потискать. Ревнивая Дарья сразу отмякла. Когда девушка забавляется с йоркширским терьером, окружающие мужчины для неё исчезают. Жерар корреспондентку не разочаровал. Ластился, повизгивал и прижимался, негодник, к груди.

Наконец действо стартовало.

Появление Годова публика встретила могучим рёвом. Сказать со всей определённоcтью, был ли музыкант живым, не представлялось возможности. Его лицо скрывала борода, длинные волосы свисали до носа. Но двигался он весьма бойко – зомби так не умеют.

Годов первым делом поздравил публику со своим воскресеньем, сказал, что с нами веселей, чем в могиле, а потом сразу принялся отжигать. Чувак работал как следует, «Рупор» тоже. Фэны завелись с полпинка, запрыгали и заорали. На третьей песне толпа завалилась в нашу сторону, едва не задавив корреспондентку, а вместе с ней и моего напарника. Я галантно вынес девушку из свалки и установил стройными ножками на столик для коктейлей. Жерар, улучив момент, перепрыгнул с её рук мне на плечо. Я охнул – объятия у него были стальными.

– Полегче, демон, – рявкнул я. – Задушишь.

– Терпи, панк, металлистом станешь, – огрызнулся он, но хватку немного ослабил.

К нам протиснулась разгорячённая Дарья.

– Так и будешь стоять в уголке, будто любитель «Ласкового мая»?

– Ни за что!

– Тогда пошли! – Она схватила меня за руку. – Дадим копот!

– Сперва виски! – скомандовал я.

Мы допили фляжку и дали копот. Ворвались в центр толпы и начали плясать. Жерар прыгал у меня на плечах, словно взбесившаяся мартышка и пронзительно лаял. Сперва толпа пыталась если не повторять наши движения, то хотя бы находиться рядом, но когда счёт покалеченных перевалил за второй десяток, людское море расступилось. На свободном пространстве (метров двух в диаметре) мы и бесновались. Само собой, коллективу «Рупора» вскоре сделалось понятно, для кого собственно они приехали в Императрицын. Для кого восстал из могилы Игорь Годов. Петать и играть стали исключительно для нашей троицы. Дама с бас-гитарой без остановки посылала мне воздушные поцелуи, Годов показывал большой палец. Двухсоткилограммовый охранник татаро-монгольской наружности рвался, чтоб взять автограф, но не дошёл – по неизвестной причине был растерзан парой хрупких полуголых брюнеток.

Я испытал катарсис, любовь толпы и выброс адреналина. Дарья, полагаю, тоже.

А потом часы пробили полночь. В том смысле, что в кармане Дарьи дико забился мобильник. Взглянув на экранчик, она выругалась и начала пробиваться к выходу. Я двинулся за ней. Проходя мимо загадочной ямы, из природной любознательности заглянул туда ещё раз. На дне вповалку лежали изуродованные тела панков, и две женщины с ухватками лисиц торопливо срывали с них окровавленные одежды. Я бросил труженицам андеграунда металлический рубль.

В фойе было куда менее шумно и очень пусто. Лишь охранники попивали энергетический напиток. Должно быть, из конфискованных на входе припасов.

Дарья с посуровевшим лицом слушала телефон, заткнув второе ухо пальцем. Я прислонился к стене поодаль. Она сказала «да, конечно», сложила «раскладушку» и повернулась ко мне.

– К сожалению, я должна уехать. У тебя отличный шанс склеить ту корреспондентку... – Она грустно усмехнулась, и добавила: – Шалунишка.

– Что-то серьёзное? Я могу чем-нибудь помочь?

Дарья отрицательно мотнула головой и быстрым шагом пошла к выходу. Постояв минуту, я двинулся следом. Кураж прошёл, плясать было неохота, возвращаться в душный зал тоже. Пусть даже ради симпатичной корреспондентки.

Да и не время сейчас для интрижек.

* * *

Я вышел из «Точки» и осмотрелся. Уже сгустились сумерки. Машины катили с включенными фарами, светились витрины. Огромный рекламный монитор на противоположной стороне проспекта демонстрировал яркие картинки средиземноморских курортов. В углу монитора беззвучно, но крайне эротично шевелились женские губы, из которых вылетали кудрявые буковки, складывающиеся в надпись: «Бархатный сезон на Крите!». Не было сомнений – всякому приехавшему на Крит эти губы прошепчут в ушко столько дивных слов, что бархатный сезон будет помниться всю жизнь.

От раздумий меня отвлёк автомобильный сигнал. В потоке машин величаво проплывал «Сааб» Дарьи. Сама щучка махала мне пальчиками из открытого окна. Я приготовился помахать в ответ, но тут кто-то крепко схватил меня за локоть.

– В чём дело? – Я резко повернулся к наглецу, одновременно вырывая руку.

– Нужно поговорить, – ответил толстенький тип, с которым я устроил перестрелку в ГЛОКе.

К счастью, на этот раз он был без оружия. Рядом стояла платиноволосая Железная Леди, а со стороны автостоянки спешил Долговязый в плаще и шляпе. Надо полагать, где-то здесь тёрлись и двое специалистов по таранному открытию дверей.

– Очень нужно поговорить, – повторил неугомонный толстячок, и снова попробовал поймать меня за руку.

Отреагировать в этот раз я просто не успел. Меня опередил Жерар. Он выметнулся из-за пазухи беззвучно и стремительно как мурена из норы, цапнул толстячка за кисть и так же быстро шмыгнул обратно. Толстячок взвыл дурным голосом, а я бросился назад в клуб.

– Через гардероб! – твякнул бес.

Я плечом сшиб стоящего на пути охранника, перемахнул высокую стойку, оттолкнул гардеробщика и между рядами курток и плащей побежал к задней двери.

– Стоять, сука! – заорал охранник и полез следом, но тут в «Точку» пожаловали мои преследователи. Видимо, кто-то из них всё-таки успел вытащить оружие, потому что охранник, взревев «а ну живо убрал пушку!» ринулся к ним.

Дверной проём был тёмн, из него выплывали клубы дыма – там курили. И курили точно не табак. Ворвавшись в заваленную барахлом каморку, я гаркнул:

– Валим все! Пыром, блин! Менты!

Передо мной заматались фигуры курильщиков. Паника длилась недолго. Очевидно, ребята были готовы к такому развитию событий. Они заперли дверь изнутри, отодвинули какую-то старую декорацию и стриганули на четвереньках в открывшийся лаз. Я – за ними.

Лаз окончился в подсобке соседнего Театра музыкальной комедии. Мы стряхнули с себя паутину и пыль и через лабиринт гримёрных прошествовали к служебному выходу. Должно быть, готовилось представление – всякого народу за кулисами шло великое множество. На нас никто не обратил внимания.

На заднем дворе одна из курильщиц посмотрела на меня с недоумением.

– Ты кто? Я тебя не помню.

– Ангел-хранитель, – сказал я, провожая взглядом расходящихся ребят.

Нужно было и мне поторапливаться. Однако девчонка не отставала.

– Прикольно! А ты симпатичный. Хочешь поиграть со мной в лошадки? Ты будешь пони, а я наездница. Потом наоборот. У меня как раз комната сегодня свободна.

Только игры в лошадки мне сейчас не хватало.

– Я бы с удовольствием. Но мы, ангелы, бесполы.

– Иди ты!

Жирную точку в затянувшемся разговоре поставил Жерар.

– Он прав! – сказал бес, высунув морду из-под куртки на моей груди, будто только что вылизавшийся Чужой в одноимённом фильме.

Девчонка в мгновение ока побледнела и припустила из двора так быстро, как умеют лишь «подсевшие на измену» торчки.

До дома мы доехали на троллейбусе. По дороге я спросил Жерара, откуда он знал, что у нас получится удрать через гардероб. Жерар скорчил невинную гримасу и признался:

– Да я и не знал. Но ведь надо же было куда-то бежать. Почему бы не туда?

Возражений против такой безукоризненной логики я не нашёл. Удовлетворился тем, что назвал его блохастым своим спасителем. А потом поцеловал в лобик.

Глава 6

Марк

Мисс Голдэнтач успокаивала нервы йогой, Декстер, издавая дикие крики, упражнялся во дворе с бокеном. «Бычки» укатили на додже в город и просили сутки не беспокоить – им предстояло какое-то дежурство. А Марк сидел перед телевизором и поглощал из огромной миски сладкий попкорн. Он смотрел местные новости. Старенький видеомагнитофон был наготове: Фишер собирался записывать всё, что хоть как-то связано с их делом. Однако в рубрике происшествий о гибели Новицкого и безобразиях в ГЛОКе не прозвучало ни слова. Телевизор можно было выключать, но попкорн в миске ещё оставался, и Марк продолжал смотреть. Про местный спорт и местную культуру.

Главным культурным событием для Императрицына в этот день оказался приезд панк-группы «Русское Поле Революций» или коротко «Рупор». Марк, услышав название, помимо воли улыбнулся – вспомнилась юность. Песни «Рупора» ему тогда нравились безумно, он с упоением орал в компании сверстников «Всё идёт по рельсам!». Пока однажды папа не растолковал ему, что любимая группа маскирует анархизмом ксенофобию, а сам Годов – явственный антисемит. Марк ничего такого за кумирами не замечал, но разве станешь спорить с папой?

Репортаж вела молоденькая круглолицая корреспондентка, взволнованная так, будто ей предстояло лишиться невинности с командой чернокожих баскетболистов.

– Все мы знаем, – трещала она, сверкая глазами, – что с лидером группы Игорем Годовым связана таинственная история. Три года назад весь музыкальный мир потрясла его ранняя смерть. Напомню, рокеру перевалило лишь немного за сорок. Поползли слухи о его алкоголизме, наркомании и даже связи с сектой самоубийц. Похоронен он был тихо, в закрытом гробу. А в прошлом месяце Годов вдруг «ожил», объявил, что собирает группу вновь и намерен устроить концертный тур по России. Первое выступление должно состояться как раз сегодня. Здесь, в клубе «Точка» – вот он, за моей спиной. Входных билетов выпущено всего триста шестьдесят шесть штук. Неудивительно, что грядущий концерт окружает ореол загадочности. Фанаты до рукоприкладства спорят, настоящий Игорь Годов или дешёвая подделка. Когда к клубу прибыла наша бригада, как раз случилась драка. К счастью, она быстро прекратилась.

Корреспондентка, выпалив вступительный блок информации практически на одном дыхании, запыхалась. Отдышалась, она продолжила:

– До начала концерта ещё есть время, и мы попробуем пообщаться с почитателями таланта Игоря Годова. Молодой человек! – подскочила она к какому-то парню, – можете ответить на пару вопросов?

Парень повернулся к камере лицом, и Марк едва не поперхнулся попкорном. Это был тот самый нудист из ГЛОКа! Только на сей раз под ручку с дамой и одетый. Из-за отворота его куртки выглядывала морда йоркширского терьера.

Фишер, рассыпая попкорн, надавил кнопку записи.

Корреспондентка, млея под взглядом «нудиста», начала задавать какие-то глупые вопросы. Тот отвечал в тон. Его дама (по возрасту годящаяся едва ли не в матери) с каждым словом кавалера мрачнела всё сильнее. Терьер высунул язык, как будто дразнясь.

Наконец репортаж, до неприличия похожий на флирт в прямом эфире, прервался. Марк остановил запись и помчался наверх.

Сильвия Голдэнтач принимала одну из наиболее сложных на взгляд Фишера асан. Она стояла на голове, скрестив по-турецки задранные вверх ноги. Дыхание её было тихим и ритмичным, глаза закрыты.

– Сильвия! – рявкнул Марк, наплевав на субординацию. – Бросайте свою йогу. Я нашёл того парня.

Мисс Голдэнтач плавно опустила ноги на пол.

– Какого парня, Фишер?

– Нудиста из ГЛОКа. Он на рок-концерте. Промелькнул в новостях. Если выедем прямо сейчас, наверняка успеем перехватить по окончании.

– Как мы поедem, по карте? Или вы знаете город?

– Нет, – сказал Марк. – Но я знаю, как здесь вызываются такси.

* * *

Такси попалоcь скверное. Старая «Волга», пропахшая выхлопными газами и какой-то острой едой, с засаленными чехлами на сиденьях. На зеркале заднего вида болтались игральные кости размером с небольшой арбуз. Рукоятки опускания боковых стекол отсутствовали. Из проигрывателя звучала заунывная арабская музыка.

Водителем был плешивый живчик восточной наружности. Он вёл себя (и машину) как человек, сверх меры обколотый инъекциями мужских половых гормонов. Сидел вполоборота, рулил одной рукой, смотрел чаще на Сильвию, чем на дорогу, и расточал целые охапки цветистых комплиментов. Скорость при этом держал высокую, а на дорожные знаки и других участников движения обращал внимания не больше, чем на собственный запах изо рта. Пакистанцы и индийцы, работающие таксистами в США, по сравнению с ним казались просто ангелами.

Марк, занявший переднее сидение, трусил просто ужасно. Однако из врождённой деликатности сделать замечание не решался. Зато решился Декс, и грубо. Не зря, видно, ходил слушок, что он, как и мистер Джи связан с куклукскланом.

– Прекрати пялиться на мисс Голдэнтач, чёртов сэндниггер! – рявкнул он. – Следи за дорогой. И сбавь скорость!

– Зачем кричишь, а? Разговаривай спокойно, здесь культурные люди сидят, – обиженно заявил таксист и повернулся к Марку. – Что он сказал? Плохо понимаю по-иностранному.

– Просит ехать медленней и соблюдать правила движения. Вы опасно водите.

– Боится, что ли? Рядом с такой женщиной сидит и дрожит как заяц. Не мужчина! – заключил водитель и добавил что-то на неизвестном Марку языке.

Дальше он вёл машину чуточку осторожней. Однако обиду всё же затаил – это выяснилось в конце поездки. Таксист наотрез отказался подождать хотя бы полчаса. Никакие деньги его не интересовали. Даже Сильвия, пытавшаяся уговорить гордеца с привлечением своих чар, оказалась безуспешна.

– Нэт! – отвечал он, демонстративно закуривая. – Нэт. Нэт. Нэт.

– Зачем вы унижаетесь перед этим ублюдком, мэм? – сказал всё ещё злой Декс. – Пусть проваливает.

Мисс Голдэнтач уже и сама сообразила, что взять такси в центре города не составит труда. Она почти швырнула водителю тысячерублёвую купюру и открыла дверцу. Марк и Декстер были уже снаружи.

– Вон этот клуб, – сказал Фишер и показал рукой. – Рядом с театром.

– Подойдём ближе, – скомандовала Сильвия.

Подожли. Марк заглянул внутрь и спросил у секьюрити, не окончился ли концерт. Тот сказал «ещё нет» и намекнул, что при желании сейчас можно пройти без билета. За каких-то двести баксов с человека. Фишер представил толпу пьяных фанатов, гром русского панк-рока, и отказался. Да и шанс перехватить «нудиста» при выходе представлялся более реальным.

Они расположились полукругом, приготовив телефоны. Марк контролировал направление, ведущее от «Точки» к автобусной остановке, Декс устроился возле автостоянки, а Сильвия

присела на скамейку непосредственно около клуба. Их терпение было вознаграждено сравнительно быстро. Уже через четверть часа из клуба вышла дама, сопровождавшая «нудиста» во время телевизионного интервью, и направилась к автостоянке. Судя по торопливой походке, она была чем-то озабочена. Самого парня с ней почему-то не было.

Марк двинулся к «Точке», на ходу вызывая Декстера, а когда тот отозвался, показал на даму знаками:

– Следи за этой женщиной. Сфотографируй её машину, а в первую очередь номер!

Декс кивком показал, что всё понял. В ту же секунду из дверей клуба показался «нудист», сделал несколько шагов и остановился, разглядывая рекламный монитор на противоположной стороне улицы. Мисс Голдэнтач поднялась со скамейки. Марк ускорил шаг.

«Нудист» был безмятежен. Марк и Сильвия подошли к нему одновременно. Фишер взял его за руку (рука была твёрдой, словно бейсбольная бита) и предпринял попытку заломить её за спину полицейским приёмом. Парень оказался поразительно силен и без проблем вырвался.

– Что надо? – резко спросил он. Уже в следующий миг его лицо изменилось: глаза сузились, губы сжались. Парень узнал Фишера.

– Мы должны поговорить, – сказал Марк. – Обязательно должны поговорить.

Он вновь потянулся к «нудисту». Это было страшной ошибкой. У того как будто выросла из груди третья конечность – рыжая, лохматая, увенчанная зубастой пастью. Острые точно пила зубы полоснули Марка по кисти. Хлынула кровь. Фишер закричал от боли, а «нудист» в два прыжка одолел расстояние до двери клуба и скрылся внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.